

ЧУЖЕЗЕМЕЦ

МАРТИША РИШ

Мартиша Риш

Чужеземец

«Литнет»

2021

Риш М.

Чужеземец / М. Риш — «Литнет», 2021

Почему бы не съездить в Бордо? Каникулы, встреча Нового года, старый замок, дивный Лазурный берег. И страстный красавец в придачу? Но в дело вмешалась пурга. Спутала карты, перевернула время, обратила историю вспять, вывернув наизнанку, выкинув в новый мир, возведя на вершину. Справлюсь и я с тем, что сулит судьба? Буду ли счастлива в новом мире? Может быть просто пора выйти замуж еще раз, по закону этого нового мира? Читатели «Ведмино счастье», в этой книге будет показан родной мир Эрхана. Любопытное место. Самостоятельная книга цикла. #Многомужей #Смелая_героиня #Забавный_грифончик #Благородные_мужчины -много) #Портал #Ведьма, #Магия, #попаданка, #двойняшки #главная_героиня_истории_женщина#хэппиэнд

© Риш М., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Письмо из далекого прошлого	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Шарль
Наконец-то переговоры окончены. Нашей безусловной победой, как и предполагалось. Второй стороне льстит участие в проекте столь громкого имени. Еще бы. Капитал моей семьи, влияние на мировом рынке, идеальная, более чем столетняя репутация. Всё на нашей стороне.
До рейса домой в милый сердцу Париж еще есть немного времени.
На лицах у представителей обеих сторон маски радости и восхищения. Жмём руки, прощаемся, желаем друг другу счастливого Рождества и новогодних праздников. Аккуратно укладываю в портфель свою копию договора, ту, что вынудила меня посетить заснеженную Москву лично. Туда же убран ноутбук, шариковая ручка. Пора покидать тёплый офис и впустить в себя суету, радостный смех прохожих на улице. Как же мне нравится бывать в таких поездках почти инкогнито. Не афишируя значимости своей персоны, без маячащих за спиной охранников. Я просто представитель высшего звена фирмы, член главного совета, облечённый широкими полномочиями. Дышу воздухом свободы, личной свободы. Хорошо! Сразу перед зданием офиса начинается знаменитый на весь мир Арбат, странное место. Совсем не Париж, и не Европа. С крыш каплей срывается снег. Под ногами мокро. Пройтись или сразу в аэропорт? На улице благословенная предновогодняя суета. И канун католического Рождества уже сегодня. Деду бы выбрать подарок. Очередная семейная традиция. Новый год полагается отмечать в родном замке самого солнечного места Франции, в родном и таком далёком Бордо. Из года в год за семейным столом соберутся одни и те же лица. Я, мой горячо любимый, но такой невыносимый дед. Глава рода, поборник семейных традиций, мать, её новый муж и, собственно, всё. Правда, дед второй год упорно надеется меня женить. Намекает на то, чтобы я пригласил избранницу. Вот только где я её возьму, он подумал, старый идиот? Поборник морали и чести!
"Ты - будущий глава рода! Семье нужен законный наследник! Я мечтаю его увидеть до того как умру".
Где найти достойную высоких требований деда кандидатку, с которой я готов буду создать семью?
Тут уж или одно, или другое.
Не в восторге я от девиц на выданье из высшего общества. Да и замуж они хотят немного не за меня, скорее уж за мой капитал, за влияние, за фамильный замок.
Пока я в задумчивости размышлял, из здания вышла стайка менеджеров среднего звена. Вот кому не придется тащиться в фамильный замок и торчать с приличной торжеству миной весь праздничный ужин!
- Мсье Шарль, вы не заняты?
Ко мне обратилась миловидная девица. И эта решила захомутать?
- Чем могу быть полезен?
- Сегодня сочельник. Вы знали об этом?
- Да, благодарю, что напомнили. Счастливого Рождества!
- И Вам тоже. Не хотите ли составить нам компанию? В эту ночь полагается гадать.
Кажется, ей удалось меня ошарашить. Гадать меня ещё никогда не приглашали. Может, я неправильно её понял?
- Гадать? Это, когда с картами, медиум, да?
- Почти. Составьте нам компанию. Тут совсем рядом.
Как устоять, когда на тебя умоляюще смотрит пять прехорошеньких русских красавиц? Да и до самолета еще времени уйма.
- С удовольствием!
В соседнем переулке мы нырнули в грязную и изрядно обшарпанную парадную. Дыхание перешиб запах застарелого сигаретного дыма вперемешку с сытным ароматом печёной сдобы, доносящимся из чьей-то квартиры. Жуткая смесь, тошнотворная. Лампочка не горела. Отличное начало, Шарль. Вот тут-то тебя и ограбят, а потом закопают в ближайшем сугробе до весны.
- Милые дамы, мы точно туда пришли? Мне кажется, тут не совсем безопасно.
- Нам на третий этаж. Я уже тут была, - чирикнул девичий голос весьма уверенно.
- Быть может, стоит воспользоваться лифтом?
- Пешком будет надежней. Лифт не работает.
В пугающей темноте, подсвечивая ступени старой щербатой лестницы, мы, наконец-то, добрались до нужной двери. Деревянная, обшарпанная, она хранила на себе следы ближнего боя и небольшого поджога вперемешку с отпечатками ног. Может, пора спастись бегством? Но как бросить тут юных дам? И зачем я только

пошёл на это гадание? Ехал бы сейчас в аэропорт, как все нормальные люди, а не стоял под дверью сомнительной шарлатанки.
 Тонкий девичий пальчик смело ткнулся в звонок. Где-то в недрах квартиры раздался ужасающий визг. Ему вторил вскрик обладательницы пальчика.
 - Ау! Током дерётся! Надо было нажимать в перчатке.
 Надо было ехать домой, хотел сказать я. Но промолчал. Русских женщин учить жизни нельзя, очень опасно, так гласит информация в справочнике туриста.
 В квартире раздались шаги, скрип замка, лязг засова.
 На пороге квартиры появилась хозяйка, полная дама в строгом офисном платье бежевого цвета. Седая коса была перекинута через плечо и тянулась до самого пояса. Простые черты лица, пухлые щёки, алая помада, синие тени. Странная дама.
 - Гадать? Разувайтесь и проходите. Девушки ждут в прихожей, а ты басурманин, иди со мной в кухню.
 Я осмотрелся. Крошечная квартирка, мебель старая, всё чисто убрано. Кто такой басурмаёин? Видимо я. Прошел за дамой на кухню. Никаких хрустальных шаров, темных покровов, свечей и всего такого. Небольшой обеденный стол застлан клеёнкой синего цвета, стулья, кухонный гарнитур времен Ленина.
 - Садись за стол. В ногах правды нет.
 Я устроился. Дама села напротив, пристально взглянула в глаза. И начала медленно без запинки произносить готовый текст.
 - Дорога дальняя, призрак за тобой ходить будет, переменишь веру, но это тебя не спасёт. Женат будешь вскоре. Проклят ты, южанин. Мне такого проклятия не снять.
 Всё, иди и больше порога моего дома не переступай!

Вот что за вечный цирк! Ведь знал, что никакого совместного досуга в этой дикой стране быть не может. Только деловое партнёрство, только в рамках офиса и договорных отношений. Нет, чёрт дернул искать шарлатанок по грязным подъездам. Купился на красивые личики офисных девушек. Сейчас гадалка ещё и денег захочет, как за пророчество века.
 - Сколько я Вам должен?
 - Денег твоей семьи мне не надо. Иди и никогда не возвращайся, проклятый потомок поправшего любовь чистого сердца. Ты несёшь беды.
 Я развернулся и покинул столь негостеприимное место, лишь сухо попрощавшись с увлекшими меня в него дамами.
 Всё, достаточно с меня экзотики. Аэропорт, перелёт, уютная квартирка в респектабельном доме. Звонок постоянной любовнице. Никаких больше шатаний. Вкусный ужин, заказанный из ресторана, новогодняя елка. Надеюсь, домработница уже её водрузила на столик в гостиной.

Письмо из далекого прошлого

Шел год 1812.

 Вот уже и отгремело Бородино своим кровавым салютом. Мы отступали. Потери шли страшные.
 Голод, смерть, ожесточение местных - всё смешалось воедино. Я, потомственный герцог, замотанный в какое-то тряпье, жрал полусырую конину. До места нашей ссылки живыми дошли единицы. Я был один из этих счастливцев. А счастливцев ли? Даже простых офицеров и тех было мало. Что уж говорить о тех, кто был бы равен мне. В той глухой деревне, где нас кое-как пристроили на постой, осталась одна солдатня. Охраняли слабо. Край вечной зимы. Дикое место. Шаг в сторону, и ты труп, не дикие звери растерзают брненное тело, так возьмёт свою жатву мороз. Лишь в снах, что удавалось украсть у моего постоянного спутника, холода, я видел родное Бордо. Край солнца и вечного лета. Довольно терпеть. Я пошёл умирать дальней тропкой, что мимо страшных сугробов вела к краю селенья и дальше в лес. Сколько шёл - не знаю. Вышел на лесную опушку, где стояла малютка-изба. Окна её светились таким манящим, желанным светом тепла и уюта, что дарит родной дом заблудшему сыну. Напоследок, перед тем как закончить свой путь в снегах, я всё же не утерпел и решил ухватить за край чужое счастье, посмотреть в манящее окно. За столом сидела девица. Тугая русая коса свисала с её покатоного плеча. Она плела тонкое кружево дивной работы в свете лучинки. Впервые я видел такую работу в этой дикой безбрежной стране. В доме, что весь состоял из одной комнаты, была только эта девушка, да её кошка. Миг, мир пошатнулся и я упал.

Очнулся, замотанный в шкуру, в тепле. Мою смерть подлю украли. А впрочем, надо мной стоял подлинный ангел исполненный нежной девичьей красоты. Всё, что я смог прошептать, перед тем как уйти в темное забытие: « Mon ange».

...

 Mon ange. Иначе и не возможно было бы назвать мою прекрасную нимфу. Вот уже второй год, как живу я у неё. Поначалу такая строгая, где-то даже холодная, она стала для меня настоящим спасением, грея душу и тело в холодном краю замёрзших сердец. Я уже вполне сносно говорю и понимаю на языке этих варваров. Но так и не смог привыкнуть к этой их почти первобытной жизни, к обычаям, к суровой природе края. Mon Ange, я продолжаю так звать свою почти что жену Мари. Она родила мне крепкого сына. Сейчас ему уже полгода. Он немного похож на меня. Хотя, разве узнаешь в этом сыне дикого края утончённого герцога из Бордо? Никогда. Крепкий, щекастый. И всё же я люблю их обоих. И мою возлюбленную женщину и её бастарда, полученного от меня. Живём мы ладно. Работа не особо утруждает меня. Охота, собирательство, земледелие. Порой всё так же снится родное южное солнце, грозди винограда, что переливаются янтарём, песчаный берег, море, настоящие тонконогие быстрыходные лошади, а не местные крестьянские клячи.
 ...
 Я, наконец-то, могу вернуться домой, ступить на родной французский берег. Боже, как давно я мечтал об этом счастье. А Мари? Смею ли я взять её с собой? Кем она станет в моём богатом поместье? Женой? Никогда не родит простая крестьянка достойного продолжателя старинного герцогского рода. Тем более она так упорна в своей православной вере. Не вынесет Мари роли моей любовницы при живой жене, которой я обзаведусь вскоре по прибытии домой. Да и маленький мой бастард не перенесёт тягот длинного пути, помрёт дорогой.
 А мне пора задуматься о продолжении славного рода, о наследниках. Вернусь домой и как можно скорее заключу брак с достойной кандидаткой хорошего славного рода.
 ...
 Напоследок поцеловал в нежный лоб своего милого сына. Нет, вовсе не герцог. Сильный крестьянский сын. И всё же, в нём течёт, пусть и капля, но моей драгоценной крови. Я, а не кто-то другой, подарил ему жизнь. Помедлив, я снял родовой медальон, что сам носил с детства и положил дитю в колыбель. До сих пор не могу объяснить свой поступок. Зачем ему, взрослому, пригодится тот медальон? Mon Ange была всё так же прекрасна во сне, как и в первый день нашей встречи. Белая нежная кожа, русые волосы,

что разметались в скромной постели. Ангел, мой скромный милый ангел. Прости. Я дал тебе сына, а ты мне вернула жизнь. Мы никогда больше не увидимся. Я возвращаюсь в Бордо. Тихо притворив за собой дверь, лишь бы не нарушить их сна, я вышел из дома по хрусткому первому снегу, предвестнику скорой зимы.
 Путь мой преградил окрик в спину.
 - Будь ты проклят и весь твой герцогский род. Пусть никогда ни твоя жена, не жёны твоих потомков не смогут подарить вашему клятому роду больше одного сына на целое поколение. Не дадут вам эти достойные дамы больше, чем дала я. Пока не станешь молить прощения такой же студёной снежной зимой, какой я спасла тебя, на коленях перед образом святой Богородицы в нашем храме. Иди же в свой Бордо. Что медлишь? Иди!
 Не оборачиваясь, я сказал лишь одну фразу, что могла быть достойна меня самого.
 - Будь счастлива, Мари.
 И покинул навечно тот холодный и дикий край.
 ...
 Проклятие Мари сбылось. Сколько горя принесло оно мне и моему единственному законному сыну. Скольких нерождённых детей украло у нас обоих.
 Мой милый и славный внук, достойное продолжение нашего рода! Оставляю эти письма тебе. Вернись на ту землю, попроси прощения за мой вынужденный грех. За весь наш род. Всё чаще мне снится Мари. Всё острее я вспоминаю её светлый лик, обводы нежного тела, робкий взгляд нежных глаз из-под пышных ресниц. Встань под образа в старом храме. Оставляю тебе и карту с пометкой. Elle a ete ici, Mon Ange.
 Найди то место, вернись туда подлой стылой зимой. Спаси герцогский род от горя потерь нерождённых детей. Повзрослей и сделай это, сними с себя и потомков проклятье прекрасной девы дикого края. Я уже не доеду туда.
 Жертвенная, страстная и нежная любовь этой девы дала мне возможность продолжить наш род, став для него одновременно проклятьем. Allez!

Глава 2

Эльза.

Вечерело. Городом правила та особая тьма, что надёжно его укрывает холодными вечерами нашей мрачной зимы. Я шла сумрачными дворами к Невскому. Воздух был пропитан влагой, что каплями мокрого снега стекает за шкуру. Душой правил хаос. В чём-то я даже была рада последней новости уходящего дня. Что-то определённо грызло душу потерей ещё не сбывшегося да, в общем, не очень-то и желанного. Школа, институт, первая работа. Менеджер, старший менеджер, руководитель звена. И всё это в крупной фирме. Карьера была головокружительной, по крайней мере, так мне казалось. Везде я старалась и старалась очень. Отдых и развлечения шли в жизни украдкой, будто ворованные. Надеяться было особо не на кого. Нас в семье и так трое: я и двое старших братьев. Всего добивалась сама. Порой ценой невероятных усилий, острого ума и мелких интриг. Мальчики тоже были. Робкие свидания, поцелуи в тёмном парке украдкой, потом вообще один почти что жених. Но, во главе всего, безусловно, шла карьера. И карьера хорошая. Шутка ли, добиться такого оглушающего успеха всего к двадцати пяти годам. Квартира, пусть крошечная студия и на окраине, но своя. Машина-иномарка, пусть и не новая, но ездит и весьма симпатичная. А теперь, жёсткий голос медика на плановом осмотре: "Женщина, у Вас никогда больше не будет детей. Это врождённое. Странно, что Вы не знали этого до сих пор".
Да у меня и раньше-то детей не наблюдалось. Что значит «больше не будет»? Это значит, не будет вообще. Да я особо-то и не хотела. Нет и не надо. Займусь собой. И так подтянута и хороша. Маникюр, педикюр, косметолог, причёска. Дорогой костюм, короткая дублёнка на холодном меху в стильную хлябь декабря. В дорогих сапогах, дань новой моде, заметно чавкало. Наконец, я вывернула из подворотни на сам Невский. Город готовился к празднику и ослеплял. Яркие окна витрин, гирлянды, подсветка фасадов, фонари и огни машин. Всюду люди. Месят снежную кашу тротуара, превращая её в подобие крем-брюле по цвету и фактуре. В душу закралось предвкушение новогоднего чуда, зелени ёлки. Найти бы ещё дома то искусственное нечто, что я купила тем годом. Радость даримых и получаемых подарков. В жёлтом свете фонарей кружились хлопья холодных снежинок, обещающая праздник перед тем, как дотаять до дождя. А здорово всё же тут жить!
Я оступилась и провалилась ногой в лужу с мокрым снегом у водостока. Снег стремительно таял, сапог был теперь уже насквозь мокрый. Перед глазами витрина магазина игрушек, и детвора прилипла носами к ней.
В душе остро колыхнулась волна, нет, вовсе не внезапно нахлынувшего чадолюбия. А хорошо знакомая волна жгучей жажды цели, великой жадности, что так крепко гнала меня, как настёганную козу, всю мою жизнь. В голове всплыла заветная со времён ранней юности фраза: "А у тебя такого нет и не будет. Н-и-к-о-г-д-а! Ты слышишь, никогда!" Если ты не осилишь новый рубеж. Не выучишь, не освоишь, не постарайся как следует, не шагнешь снова в бездну невероятных усилий для достижения цели. Именно этому я и была обязана всем тем, что имею. А тут. Старайся, не старайся всё равно не будет никогда. Может, и ладно. Но отчего-то всё же горько.
Предвкушение чуда померкло.

Перед самым метро ко мне подбежала какая-то чумная бабка в пуховом платке и невнятного вида шубе из почавшего в прошлом веке кроля или соболя. В том виде, в каком он был сейчас, всё одно, что кроль, что соболю.
- Красавица, как пройти до Сенной?
- Проще доехать. Вон вход в метро.
- Так у меня жетонов-то нету.
Новогодними чудесами нужно делиться, даже если тебе их никто не отсыпал. С этой мыслью я порылась в кармане дублёнки. Выудила запасной жетон, припасённый на всякий случай, если карта не сработает.
- Держите жетончик.
- Спасибо, добрая душа. А хочешь, я тебе погадаю.
- Дорого, наверное.
Я уже собралась уходить.
- Эх. Бесплатно. За доброту твою.
- Тогда хочу. Руку дать?
- Не надо, и так вижу. Не пройдет и двух недель, как ты выйдешь дважды замуж за разных мужчин. И оба будут богаты. Знать! Дети у тебя будут.
Я молча развернулась и пошла прочь.

Вслед мне летело:
 - Призрак должен помочь!
 Какие мужья, какие дети? Городская сумасшедшая. Как можно за две недели успеть выскочить замуж два раза, да еще за разных мужчин? Меня и один-то раз замуж никто брать не хочет. А тут - за разных. Да это даже юридически невозможно. Еще и детей нагадала, шарлатанка! Привидение и то реалистичней увидеть! Доктор про детей сказал всё четко и весьма однозначно.

 Погрузилась в метро и в тёплом набитом вагоне покатила́сь домой к батарее и скромному ужину. На машине из центра Питера я бы выбиралась ещё часа два. А тут сорок минут в метро, в машину, что стоит на парковке, вымерзшая, как мамонт, и домой.

 За горячей чашечкой предсонного чая, когда я сидела уже в халате, прижавшись к боку своего лучшего друга зимой, радиатора, меня внезапно настиг звонок телефона. Домашнего. Ничего себе! Кто это может быть? Звонила двоюродная тётка. Все свое детство, все летние каникулы, я, единственная из всей семьи, добровольно проводила у неё. Запах чудного хвойного леса, молоко, тёплый хлеб из печи. Озеро, речка, соседская пасека, с которой изредка нам дарили кусочек медовых сот – все эти воспоминания обуяли меня, окунули в детство.
 - Алло! Ты меня слышишь, Эльза?
 - Слышу, тётя, слышу.
 - Как твои дела? - проорала мне трубка прямым попаданием в мозг. Крепостная стена позорно пала от прямого попадания голоса любимой родной тётки прямо в сердце. И я начала позорно сопеть.
 - У меня никогда не будет детей, тётя! Я только сегодня узнала, почти сейчас. Вы слышите?
 - Слышу, родная, слышу. На всё воля Божья, тут уж, как он пошлёт. Не всем дано. Ну и ладно, для себя поживёшь. Красоту свою сохранишь дольше, тягот меньше познаешь. Оно, может, и хорошо. Вон, у меня трое, а толку? Один так и живёт бобылём, зато в Штатах, двое женились и тоже укатили. Всё деньги шлют, да к себе зовут. А корова? Кто с коровой-то мне поможет на старости лет?
 - Тётя, родная моя! Только ты и утетишь. Буду жить для себя.
 - Оно и верно. Поезжай-ка ты, красавица, ко мне. Каникулы длинные, праздничные дни нынче всем дают. Отдохнёшь, покатаешься на лыжах, баньку испишь. Знаешь, тут у нас красота какая сейчас? Ух! Как в сказке. Ты приезжай только, уважь меня, родня ведь. Мне уехать нужно на праздники эти, будь они неладны.
 - Ох! Сложно. А что случилось, тётя?
 - Младший брат на рождение внуков позвал. Слышишь? Двойня у деда Андрея. Двойня! А живет-то он, паразит, в Германии. Уж и билеты купил и виза оформлена. Так ты приедешь?
 - А куда ж я денусь. Ради Вас на всё, что угодно готова. А тут, десять дней пожить в своё удовольствие. Хоть отвлекусь.
 - Две недели и ни днём меньше. Самолёт у меня через два дня. Ты уж успеешь, родная.
 - Успею. А Зорька жива?
 - Да ты что? Вспомнила тоже. Уж давно нет её, и не бойся. А славно она тогда тебя по полям рогами гоняла. Ох и шустрая корова ж была!

Разговор быстро сошёл на нет. Обещание дано, а долго болтать по межгороду для тети непозволительная роскошь. Вдобавок ко всем положительным качествам, тётя была малость скупа той особой бережливостью человека, выросшего и прожившего всю жизнь в деревне. И никакие высылаемые ей сыновьями деньги ничего не могли с этим поделать. Тетя просто физически не могла начать их тратить. Жадничала, но жила в относительном достатке. Когда я у нее была в последний раз? Лет семь назад, если ни десять. Заездом вместе с роднёй навещала милые с детства места необъятного Пермского края. Тёплый бревенчатый пятистенник без лишних изысков. Добротная банька. Хлев, в котором доживала свой безмерно длинный по коровьему исчислению век, бодучая дрянная корова Зорька. Всю свою жизнь эта милая с виду скотина в перерывах между дойкой и пастьбой гоняла детвору по окрестностям. Догнав, она делала страшную пакость. Сначала рогом аккуратно роняла свою добычу, настолько метко и точно подцепив за край одежды рогом, что даже синяка не оставалось ни разу. А потом лезла языком по карманам искать лакомства. В ход шли все детские припасы. Кусочек сахара, сухарик, леденец, сушка. Всю исключая, всё выскребет и уйдет горделивой походкой в светлую даль на поиски следующей жертвы, на прощанье махнув хвостом прямо по тебе.
 Билет до славного города Пермь нашёлся сразу. Один. И стоил он невероятно дорого. Но тётя,

моё порывистое обещание, данное под наплывом невероятной жалости к себе любимой! Жаба душила меня в цепких объятьях до последнего клика мыши и ещё немного позже! А и пусть! Развеюсь, отдохну, всё забуду и стану дальше наслаждаться жизнью в полной мере, только для себя. Представлю, что это швейцарские Альпы. Холмы-то там были, вроде. Бревенчатый коттедж и лес во всю ширь необъятных просторов. Вернусь человеком, а не унылой кикиморой. И потом, там зима настоящая, колкая, звонкая, переливающаяся снегами, инеем на окне, льдом озера и реки. А не вот это вот всё: не то снег, не то дождь и чавкает в сапогах дорогой, итальянской, между прочим, кожи. И никаких детей, никаких витрин. Вообще ничего такого. Деревня небольшая, людей мало, до станции, дай бог памяти, километров пять, если не семь. И снега кругом. Лес мощной стеной, заячьи следы на нём спозаранку. Настоящая печь, тёплый плед, овечья шкура, банька опять же. Лыжи там были. Возьму ноутбук и буду сначала кататься на лыжах, а потом смотреть сериалы, наслаждаясь острой свежестью зимнего воздуха, что ворвётся в притвор чуть приоткрытой двери, тесня уют и тепло старого крепко дома.
Хочу! И будет! Решено.
Наутро, чуть развеялась хмарь, я уже топталась под плотно закрытой дверью моей незабвенной начальницы, чтоб ей пусто было, Марии Викторовны. Она посоветовала моему диагнозу деланно искренне. Она имела сына-балбеса, моего одноклассника, что работал в соседнем отделе. Скажем прямо, упорно тянул ляжку офисного заключённого ровно с понедельника по пятницу. Начальница была уверена, что детей хотят все. Но искренне рада, что декретные мне не светят не то что скоро, а вообще никогда, так же, как и декретный отпуск. На радостях, но сказав, что из сочувствия, она сразу же отпустила меня с работы до самого конца праздников. Вот и чудно!

Глава 3

Побежав по магазинам, я купила себе классную европейскую куртку, которая обещала выдержать мороз аж до минус сорока, шикарные тёплые ботинки к ней из супернового материала, что выдержит вообще любой мороз. Правда, низкие какие-то, ну и ладно. И дутые штаны как у кавалериста со старых гравюр, такие же широкие сверху. Ещё пару тёплых шапок ярдовитого цвета и перчатки для мороза разной степени коварства. Вышло дорого, но мне себя надо начинать любить, ценить и уважать. Подумала, вернулась и докупила лыжные ботинки. Хотя, в кладовой у тёти их, должно быть, валялось пар двадцать разного размера и достоинства. Тётя, вообще, никогда ничего не выкидывает и всё содержит в порядке.
 Вот я и в самолёте. Разгон, и мы в небе. Пленительное волшебство взлёта, отрыва от земли, невзгод и проблем. А впереди встреча с тётей, посиделки у теплой печи на целый вечер перед её отъездом. Варенье и соленья из летних запасов. Картошка, что томила в печи в чугушке с мясом всю ночь на углях. Ещё можно сделать шашлык. И ни в чём себе не отказывать. Лишние калории уйдут на прогулках по заснеженным просторам родного таёжного края.
 А хозяйство, за которым она просит приглядеть? Ну что там такого может быть? Три курицы да кошка. Уж зерна курочке я насыпать точно сумею. Так даже ещё и лучше, если в магазине или у местных раздобыть к домашним деревенским яйцам кусочек солёного бекона с прожилками мяса, то яичницы мне на печи обеспечены просто чудные. Сковорчащая сковородка с двумя, нет, всё же тремя круглыми, как солнце, желтками. Сказка.
 Пермский край, я уже лечу тебе навстречу.
 Аэропорт Перми встретил объятиями жгучего холода. Это с непривычки, скоро адаптируюсь, и всё пойдёт на лад.
 Я умная, я поехала к тёте сразу в полном новеньком комплекте спортивной морозостойкой одежды. Но итальянская куртка отчего-то не грела так, как должна. Странно. Мороз остро обжигал щеки. Ноги в ботинках пока не мёрзли. Горнолыжные перчатки тоже спасали положение. Ну а дутые брюки - вообще песня. Теперь, главное, успеть добраться в родные некогда пенаты до темноты. Тут всё просто. До центра города на автобусе, потом на электричку и пешком от станции через лес по хорошо знакомой с детства дороге. Что там идти? Быстрым шагом примерно час, ну, может, чуть больше. А судя по непривычному морозцу, пойду я действительно быстро. А и хорошо, что так, скорее привыкну и смогу сполна насладиться настоящей русской зимой.

 Вышла на родной с самого детства станции. Впереди сверкает разноцветными огнями посёлок, тёмным зимним вечером он и вовсе кажется немного ненастоящим. Как новогодний шар. Перевернёшь, и снежинки полетят. За посёлком стеной возвышается зимний, по-вечернему тёмный лес. Пахнет свежестью и немного хвоей. Наконец-то я дома!
 Холодно. Брр! Телефон тёти бодро рапортует, что она вне зоны действия сети. Чтоб этой связи! Не случилось ли чего? Быстро нашла колею знакомой дороги. Шагаю бодро, мороз колет щёки. Надела капюшон, затянула все резиночки, клапаны чёртовой куртки. Спасает мало. Через километр добавила сверху шарф. Посёлок у станции остался сзади. Путь дальше тёмный, идёт через лес к деревеньке, прибавляю шаг. В небе всё ярче разгораются звёзды, Вот уже и фонарей посёлка не видно вдаль за спиной. Дорога ветвится на перекрёстках. Точно помню маршрут. Ориентируюсь по просветам между крон деревьев чёрного почти ночного уже леса. Рюкзак будто прибавил вес. Становится страшно, вдруг волки, или кто ещё нападёт. Дорога всё так же пустынна. Хорошо, что тут проехал трактор, хоть снег разгрёб. Прибавляю шаг ещё. Куртка внезапно стала тёплой, шарф снят и кое-как заткнут в карман. Не врут итальянцы, до минус сорока она держит тепло точно. Главное, только идти пошустрее. Сзади раздался вой. Жесть! Волки? А я тут одна. Ускорила, почти бегу. А ведь жарко и даже очень. Лес всё темней, в небе одиноко светит луна. До деревни, наверное, ещё километр, а может все два. Последняя развилка пройдена. Вторая дорога уходит к старой деревне, там давненько никто не жил. Вой стих ещё километра два назад, неужели идут по

моему следу молча? Прибавим ещё, обидно будет тут погибать, да и тётка расстроится. Хотя мне уже явно дела до этого не будет. Вон околица, светит фонарь. Фух. В деревню же не войдут волки, наверное? Отсюда с бугра вижу дом прадеда под фонарём. Крепкий, приземистый, он напоминает сказочный пряник. Очень красиво! Снег в жёлтом свете кружится крупными хлопьями. Я почти дома, меня там ждут в преддверии Нового года. Скорей бы уже добежать! Старый забор, калитка из детства, дорожка к дому расчищена, как асфальт. Всё такое родное, такое доброе. Вон и тётя меня ждёт у окна. Машу ей рукой, открываю калитку, домой, скорее домой! Я снова дома! И всё тут точно так же, как было в моём детстве. Только потолок сеней вроде стал ниже, да дверь уже. В нос ударил терпкий запах старого чистого деревенского дома, старого дерева, картошки, опилок, родных сеней. А вот и тётя открыла внутреннюю дверь. Бросаюсь ей на шею. Тётя у меня высокая, сильная, крепкая женщина. Сибирячка. Стать так и видна, только коса стала седой, да в уголках глаз веер морщинок. А так она всё та же, что гоняла меня метлой.

Шарль

Из подслушанного мигрантом телефонного разговора молодого дорого одетого мужчины, сидевшего в кафе парижского аэропорта.

- Да, дедушка. Да, я чту традиции семьи и даже три раза в год появляюсь в фамильном замке на Рождество, Пасху и твой день рождения, как ты помнишь. Безусловно, я очень рад, что ты нашёл тот старинный документ нашего древнего предка. Он, несомненно, прольёт свет на многое... Хорошо, не очень-то и древнего. Есть подревнее... Нет, что ты, я вовсе не тебя имел в виду... Да, я в Париже, только вернулся и скоро поеду домой... К себе домой, на квартиру... Как не поеду? Куда я должен лететь?... Я тебя слушаю... Причём здесь документ двухсотлетней давности. Какое это вообще имеет отношение ко мне? ... Нет, я не пререкаюсь. Ни в коем случае. Ты представляешь, сколько детей тогда умирало? Может, это вообще последствия сифилиса... Нет, я не оскорбляю предков... Да, у тебя больше не было сыновей, кроме отца, но это ещё ничего не означает... Что значит, пытался? Я откуда знаю. Бывает всякое. Отец, тот и вовсе больше детей, кроме меня, не хотел... Нет, я всё понимаю. Да, я знаю русский и бываю в Москве в командировках довольно часто... Ты представляешь, где Москва, а где та Пермь? Это дикий край. Там только снег и медведи. Ну, может, ещё волки... Какая икона, какой храм? Ты вообще в своём уме? ... Нет, я знаю, что ты ещё держишь всё в своих руках и потом передашь мне... Что значит, не передашь? Что значит, мамину брату достанется контрольный пакет акций? ... Где тот храм и ту икону я буду искать? Ты подумал? Там снега, мороз... Так и надо? Уговорил. Вылетаю сегодня... Хорошо, ближайшим рейсом, на который будет билет. Пока там грядут самые сильные морозы. Тулуп и шапку куплю на месте.... Прощай, надеюсь ещё увидимся... Нет, я вовсе не то имел в виду. Я просто понадеялся, что не замерзну в сугробе под окнами чего-то дома, как наш не очень далёкий предок. До скорого. Уже бегу брать билет.

Вызов был завершён.

- Старый чёрт! Дерьмо! Далась ему та легенда! Где он только открыл эти бумаги.

Эльза.

- Господи! Да ты ж вся мокрая насквозь! От станции, что ли, бежала? Так торопилась ко мне?

- Там волки. Они выли.

- Да какие там волки? Нет тут волков уж давно. То собака лесника, поди, выла. Она вечером частенько на луну так поёт. Что ж ей не петь-то, тоже живая. Ох, и напугала она тебя, погляжу. Трусишка, совсем как малой была. Разоблачайся, курточку свою моднявую, вон, на гвоздик повесь. А боты можно и к печке поставить. Сухие? Ну и ладно, а на мороз всё ж приятней будет в нагретых идти.

Ну-ка, иди руки мой, вон там кран на кухне. Много не лей, вода, чай, не казённая. Ополоснула и ладно. Сейчас чай сядем пить, я самовар поставила к твоему приезду. Всё мне про себя расскажешь. А о беде своей и не думай, пустое. Для себя станешь жить. А нет, так сходишь в старинный храм, тут неподалёку остался один. Не все Советская власть извела. Там икона Богородицы висит. Говорят, от всего помогает, надо у ней постоять и помощи испросить. Слышишь? Где пропала? Иди-ка к столу. Чай не Питер ваш, что мыло зря изводить? Микробов тут нет, вымерзли.

- Хорошо, тётушка. Я так по тебе скучала!

- Скучала она. Скучала б, так ездила бы ко мне чаще. Так

вот, если соберёшься идти к иконе, просить милости, так бери лыжи. Путь долгий. В мороз и вовсе не суйся. Заметёт, завьюжит, и примёрзнешь дорогой насмерть. Что ты смеёшься? Что я такого сказала?

- Да не пойду я туда, незнамо куда. Мне и так хорошо, без всяких там детей. Дома буду сидеть, да, может, где по окраине и покатаюсь.

Говори уже, что надо, за кем без тебя следить? Кого холить? Зачем иначе звала?

- Так это, хозяйство-то у меня теперь небольшое. Годы уже не те...

- Ох, темнишь тетя, ох темнишь.

- Ну ладно. Всё равно уж приехала. Обрати-то, пооди, не сбежишь в свои хляби?

- Не сбегу.

- Ну и хорошо, коли обещаешь.

- Куриц пять штук, им только зерно сып и воду меняй дважды в день. И гляди, чтоб не замёрзла, а куры лапы не поотмораживали. А то будут ходить однолапые как Флинт из того мультика. Помнишь, смотрела малой?

- Помню-помню. А ещё кто?

- Так это, кошка, вона на печи сидит, на тебя смотрит. Ей мяска из морозилки чутка достань и разморозь. А так она и сама найдёт, кого словить себе на еду. Ещё пёс, Шариком кличут. В будке живёт. Ему корма насып стакан. Вон в том углу полный мешок.

- А что ж он на меня-то не лаял, Шарик твой?

- Так зима, думаешь, ему охота зря вылазить, лапы морозить? Тут сейчас и нет чужих-то. Вон и сидит в сене, чисто принц.

- А ещё?

- Зоренька как моя пала, славная была коровёнка, так я так плакала по ней. Уж и лет-то ей было, не сказать, чтоб очень-то много. Всего двадцать.

- Столько коровы не живут. Дай бог здоровья тому, кто ел из этой коварной скотины котлеты.

- Ты что! Она ж как человек умная была. Сама сдохла, её в лесхоз на корм зверям уволокли. От природы пришло, туда и ушло.

- То-то и волки перевелись в округе.

- Не сбивай меня. Так уж я тогда так плакала, чуть сама богу душу то и не отдала. Так сын купил мне и договорился о доставке заморского телёнка. Тёлочки. Ты бы видела только, как её везли! Специальная машина приехала. Все соседи вышли смотреть. Трап опустился, а там она на привязи. Вся ладная, видно, что холёная. На шее ошейничек натуральной кожи, представляешь?

Мне поплохело. Только б не за телочкой по всем сугробам бегать. Хватит с меня детских забегов от Зорьки.

- И где сейчас та тёлка?

- Какая тёлка? Ты что! Это ж когда было. Нетель уже. Почти корова. Вот я вернусь, ей, в аккурат, срок телиться придет. Ты ей воду ставь в ведёрке два раза в день, чтоб пила вволю. Не жадничай. Да сена по большой охапке носи, чтоб, значит, тоже вволю было. И кормов чутка. По стакану утром и вечером. Много не надо, телиться скоро срок. Вот и все хлопоты. Доить её не смей. Пока не родит, нельзя.

За коровой ухаживать. Мда, кажется, кто-то попал. Впрочем, не так всё и страшно. Ну, дойду я до хлева два раза в день. Не так уж и сложно. Утром, правда, надо будет идти. Ну, так не на дойку же. Добежала, охапочку сена кинула, ведро воды дала, считай фитнес по-деревенски. И вообще это очень аутентично. В Европе за такой агротур ещё и деньги пришлось бы платить. А тут, считай, на всем готовом.

- Уговорила, куда я денусь. А что соседей не попросила?

- Так завидуют. Загубят ещё мое сокровище из зависти. Это не Зоренька. Эта совсем добрая, ласковая, за себя и постоять не сможет. Справишься? Ничего сложного нет. Полчасика утром, да вечером столько же.

- Справлюсь, куда я денусь.

- Вот и договорились. И не обижай её. А я тебе полный погреб оставила и варенья, и соленья, и картошечка своя. У печи полный мешок сушёных грибов висит. Бери всё, сколько душа пожелает.

- Спасибо, возьму. У нас такого не купишь.

Болтали мы с тётей до поздней ночи. Мельком она показала мне коровку, жующую сено из яслей, курочек в соседнем загоне да Шарикову будку. Мифический пёс так и не вышел к людям на мороз. Вернулись в дом, где на чердаке и в кладовке были свалены лыжи, валенки, пара тулупов и остальные атрибуты деревенской жизни. Бери, что хочешь. Лыжи хочу, кататься буду. Ничего не знаю, у меня тут аутентичный отдых в Швейцарских Альпах. Я так решила.

Спать меня тётя положила в комнатке недалеко от тёплого бока настоящей русской печи. Бельё было мягким и нежным, пахло невероятной свежестью вещей, высушенных на морозе, от печки шёл запах побелки и нагретого кирпича. На окне комнаты мороз нарисовал сказочный пейзаж инеем. Было тепло и невероятно

уютно. За стенкой деревянный строганный пол чуть скрипел под мягкими шагами хозяйки, что была занята сборами и ещё какой-то своей суетой. Ветер тихо выл за стеной. Чуть слышно, мягко ступая пушистыми лапами, мимо меня прошла по своим делам кошка. Все эти звуки рождали ласковую колыбель для того, кто вернулся в детство, в родные стены, домой. Я уснула довольно быстро, и всю ночь мне снились сказочные какие-то, сладкие, добрые сны.
 За тётей должны были заехать довольно рано. Она обещала меня не будить.

Глава 4

Шарль
Естественно, лететь нужно было с пересадкой в Санкт-Петербурге, как иначе. Через Москву был рейс только из другого аэропорта. Ехать туда не имело никакого смысла. Те пару часов, что оставались до рейса, я решил потратить на планирование этой поистине странной поездки.
Невероятный каприз деда, впрочем, он никогда и не обладал особо мягким характером. Иначе, как бы он управлял всеми семейными делами? И предприятиями, коих у семьи было немало, и фирмой, и замком. Но даже для него столь странный поступок, такой жёсткий приказ был чрезмерен. Возможно, виной грядущие праздничные дни. Особых дел сейчас не решить, все будут праздновать. Так почему бы не воспользоваться моментом и не отправить внука именно в эти бесполезные для получения дохода дни помёрзнуть на просторах ледяной России. Интересно, он вообще представляет, где именно находится та Пермь? Это далеко не Москва, и даже не Санкт-Петербург. Это край водки, медведей и снега. Москву я даже любил. Было в ней свое бесспорное очарование крупного суетного мегаполиса, возведённого на останках старого мира. Крепостная стена Кремля, храм и будничная суета вокруг. Вполне мило, во многом даже цивилизованно. Но Пермь! Это слишком. Тем более, так срочно, когда к такой поездке необходимо хорошо подготовиться заранее. А тут я вообще лечу один. Может, суть в этом? Сослать меня как можно дальше от Парижа? Быть может, у деда именно в этом какие-то свои интересы?
Предпраздничная суета вокруг окутывала блеском витрин, манила разноцветными огоньками гирлянд и еловых веточек, то тут, то там призванных напоминать о грядущем чуде Нового года. А мне предстояло покинуть Париж. Никакой надежды на отдых в свои законные выходные дни. Впрочем, будь, что будет. Любое решение деда, этого многоопытного и тонкого стратега всегда было многократно взвешено и оценено. Должно быть, и в этой поездке есть смысл. Только теперь важно, чтобы никто из моего окружения не узнал, что Шарль самолично едет в глухие леса на поклон православной иконе. Это может погубить мою деловую репутацию на долгий срок, если не навечно. Дед никогда не был болтлив, так что он-то сообщать о такой дикости никому не будет. А я уж тем более. Тут и говорить нечего.
Путь предстоял долгий. Но, быть может, удастся всё решить на месте дня за два, и вернусь я обратно в мою милую, кокетливую, улыбчивую, празднующую Новый год Францию.

Я умный и прагматичный. Франция не ведает ледяного плена зимы. Нет никакого смысла пытаться успеть купить теплую одежду и экипировку до моего отбытия. Буду только глупо и вызывающе выглядеть, привлекая к себе ненужное внимание местных. Уж они точно знают толк в тёплой одежде. Наверняка, там много специальных магазинов экипировки для зимних походов с одеждой, произведённой в их краю и предназначенной именно для того климата. Будет тепло и удобно. А, главное, не выделяюсь из толпы. Решено. Прямо в аэропорту закажу такси и доеду до подходящего магазина. А сто метров до машины можно пройти и в кашемировом пальто, оно всё же довольно теплое. Ещё нужно будет купить на месте что-нибудь из еды в дорогу. Быть может, галет, солонины, сыру. Итак, строю примерный маршрут. Сначала нужно добраться до Перми, потом такси до магазина специальной одежды, затем продуктовый, потом на центральный вокзал города и уже оттуда на электропоезде до нужной мне станции. Там найти кого-то из местных, кто подвезёт меня до дома настоятеля храма. Деньги порой делают чудеса. Потом посещение самой церквушки, краткое видео перед иконой, чтоб отчитаться не верящему на слово деду и обратный маршрут. Ещё необходимо заложить время на ночёвку в доме настоятеля. Свяжусь с ним из Санкт-Петербурга. Паломники, если верить информации из сети, этот храм навещают. А, следовательно, и мне место должно найтись.

Эльза
Утро началось с канонады, если верить моим ощущениям. Тётушка завела будильник, чтоб я не проспала кормление её коровушки. Заботливая моя. Где она только и нашла это орудие пыток. Печной бок поостыл, в комнате стало немного прохладно. Сунула

ноги в просторные чуни из меха. Из-под тёплого плена мягкого кокона одеяла вылезать совсем не хотелось, но надо. Холодно. Ночная рубашка совсем не греет. Шустро натянула флиску и дутые штаны, тоже обжёгшие кожу холодом выставшего за ночь дома. В следующий раз при-
ткну-ка я их на угол печи. Будут тёпленькие к утру. С усилием распахнула тяжёлую деревянную дверь, что томится под многими слоями белой, местами потрескавшейся, масляной краски. Кухня обдала меня уютным теплом. Тут у печи на узком диване спала этой ночью тетя. А теперь он был застлан простым покрывалом. Небольшой обеденный стол, на нем записка. " Кашка для тебя в печи. Позавтракай и беги к животным. До встречи!"
Залезла в печное нутро, где действительно стоял чугунок с теплой кашей.
Выйду-ка я для начала в сени. Удобства там, за неприметной дверкой. Вымою руки холодной водой из крана и сяду за красиво убраный скатертью стол.
Сени встретили яркими ощущениями. От такого холода я даже проснулась. А как я спешила попасть скорее в тепло - словами не передать! Вернулась в дом. Да тут жарко и пахнет едой. Скорее вымыть руки и завтракать. В кране воды не оказалось. Совсем. Водопроводная труба от крана имела т-образное разветвление. Один конец шёл куда-то вверх и имел открытый вентиль. Второй конец шёл в подпол и тоже имел вентиль, но уже закрытый. Подергала оба, воды так и нет. Ну ладно я, я не гордая, из кувшина умоюсь. А корову я чем поить буду? Кстати, а действительно, чем? Ведь вчера ведро воды уже было в хлеву. А откуда вода в него берётся? В коровнике есть водопровод или нужно таскать из дома? Сначала каша и чай, благо чайник стоял в печи и тоже тёплый, а потом разберусь. Ум есть, руки есть. Не боги горшки обжигают. Тётка же как-то справляется, значит, и я справлюсь. Ну, в самом крайнем случае, натаскаю воды из колодца. Он от дома был недалеко.

Дед Шарля.

Хорошо, если удастся вывести из-под удара внука. Какому разумному человеку придёт в голову искать его на просторах российской глубинки? Уж спрятал, так спрятал. Даже если и отследят по билетам, он должен успеть затеряться под Пермью. Да и кто поверит, что Шарль действительно сам туда полетел, зная мои возможности. Как хорошо я подгадал время, чтобы перехватить его в аэропорту. На квартире стали бы искать в первую очередь. Быть может я и преувеличиваю опасность, но уж что-то, а мою интуицию недооценивать точно не стоит. Сколько раз она приносила мне рекордные барыши, отводя риски в сторону. А тут ещё и так вовремя найденное письмо стало удачным предлогом и подкинуло поистине великолепный вариант.
Интересно, он уже записал меня в старые маразматика или же додумался до чего-то? Впрочем, пока я ему объяснять ничего не могу, даже если бы и хотел. И, потом, в семье и вправду уже две с лишним сотни лет в живых остаётся только один законный отпрыск - мальчик. Остальные беременности наших жён заканчиваются или выкидышем, или мертворождением. Так что, может и хорошо, если он доберется до той иконы и выполнит волю своего предка? Пусть и спустя полторы с лишним сотни лет от момента написания сего исторического опуса. Хуже точно не будет. Он мальчик шустрый, деловой, хоть и родился с золотой ложкой во рту, потеряться не должен.

Эльза.

Позавтракав, оделась потеплее и по свежему снежку бодро потопала в хлев. Мороз щипал щёки, всё вокруг искрилось. Снег был лёгкий, пушистый. Тишина стояла невероятная, только звуки моих шагов и разносились по округе. Ни ветерка, ни скрипа калитки. Ничего.
Лес, окружающий деревню плотным кольцом сиял обновлённым снежным покровом крон и подлесья. Душа ликовала.
- Красота-то какая!
Пёс, мимо будки, которого я прошла, так и не раскрыв своего инкогнито. В хлеву скромно мукнула корова, призывая меня к порядку. Опаздываю аж на пять минут. Хозяйка, наверняка, таких вольностей себе не позволяла ни разу. Засов хлева поддался легко. Дверь распахнулась, являя сумрак сарая, в нос ударил пар и терпкий запах коровы. Не страшно и даже где-то приятно. Сено, опилки, чуть-чуть навоз. Тётя держала скотину чисто.
Курочки квохчут, корова стоит в загородке и смотрит вопросительным взглядом из-под веера длинных, но редких ресниц. Глаза чуть нависают, сама бурая, а пузо светлей. Пузо, надо сказать, впе-

чатляло. Интересно, такая туша в дверь-то пролезет пока не родит? Не буду гадать, мне ни к чему. Вон и вилы стоят рядом с пустующей клетью телёнка. Водопровода тут, явно, нет. Жаль. Придется таскать воду из колодца. А там, позвоню тёте, узнаю, где добывать эту воду. Ухватила вилы и пошла в сенник, что стоял с другого края хлева снаружи. Четыре столба, над ними навес. Внутри три рулона сена и ещё немного горой - остатки, похоже. Их и взяла. Ну как взяла. Половина охапки за шкуркой, половина в снегу. Со второй попытки удалось что-то удержать и на вилах. А ведь раньше умела. В детстве.
 С сеном покончено. Пора идти за водой. Колодец стоял ближе к дому. Деревянный сруб с воротом был покрыт невысокой двускатной крышей. Вода виднелась темным пятном где-то далеко внизу. Хотя бы не поскользнуться. Страшно. Колодец всё так же пугал, как в детстве этой невероятной глубиной. Покрутила стальную рукоять. Перелила из колодезного ведра в коровье, промочила перчатки. Жаль. Корова всё выхлебала сразу. Пришлось тащить ещё. Мокрая перчатка теперь липла к рукояти ворота. Еле отклеила обратно. Второго ведра благо хватило. Сыпанула зерна курочкам на пол. Пока пеструшки бросились клевать, нашла соблазнительно теплые яйца в гнёздах. Целых два.
 С делами покончено, можно идти домой отдыхать. На удивление за час я устала, да и руки очень замёрзли в мокрых перчатках. Вернулась домой, дом подвыстыл. Печь погасла и, похоже, давно. Последней её топила хозяйка, ещё с вечера. Что ж, буду разжигать. Растопка лежит горкой лучины рядом, газета есть, берёзовых дров тоже есть пара полешек в доме. Вроде все уложила, поднесла спичку. Газета даже сгорела. Растопка не занялась. Открыла поддув. Со второй попытки взялась и растопка. Дым отчего-то повалил в дом. Прикрыла дверцу печи. Дым так и валит во все щели. Уже и под потолком как в курилке ночного клуба в разгар веселья. Думала. Вспомнила про заслонку дымохода. Открыла, дым начал уходить в трубу. Дом пришлось немного проветрить, отворив дверь наружу - в сени. Холодно, дует, уж лучше немного в дыму. Сама вся в саже. И руки, и нос. Воды в кране нет. Кое-как отмылась из кувшина. Дома стало немного теплей. Вот и дрова занялись ровным пламенем. Весело трещат, обещая тепло и уют. Набрала тётку. Абонент не абонент.
 Чайник бы поставить. Воды дома больше нет. Взяла кастрюлю, оделась. Пришлось снова тащить ведро из колодца и нести воду в кастрюле домой. Облила куртку, благо немного. Руки красные. Бррр. Хозяйка дома все так же не абонент. Мыть руки уже не стала. Зато поставила чайник. Ещё чуть-чуть и пойду побираться по соседям. Может, кто знает, как заставить работать чёртов водопровод?

Глава 5

Шарль. Самолет успешно приземлился в аэропорту Санкт-Петербурга самолет успешно, а вот следующий рейс на Пермь задерживали часов на пять по погодным условиям. Я не стал долго думать и решил подарить себе маленькие каникулы - прогулку по предновогоднему почти европейскому городу. Заказал такси до центра. Было ещё только утро. Город и вправду завораживал. Просторный, элегантный, нарядный, он напоминал искажённый чьей-то порывистой рукой город Италии, будто переделанный на северный лад. Прямые как стрелы проспекты, изящество архитектуры, бесконечная череда мостов и каналов, броские витрины, хмурые лица. Все разные, все погружены в свои думы. О чём? Солнце робким лучом отражается в лужах, в окнах, в щедром золоте куполов бесчисленных соборов. Везде красота, везде вода, серая мгла, расцвеченная лучами восхода. Высокий шпиль крепости, расколовший стальное небо, чтобы пропустить солнце в город. Странное впечатление. Вроде и Европа, а вроде бы ждёшь какой-то уловки. Будто всё примерещилось ранним утром, стусилось из тумана. Отражение миражом здесь, в России, торжества итальянского мастера, словно насмешка. Вышел рядом с Гостиным двором. Долго ходил, много думал. Смотрел в лица людей, пытаясь прочесть в них их мрачные мысли. Так ничего и не понял. Душу охватила неясная, смутная ещё тревога. Пальто моё здесь по погоде, только пришлось замотаться новым шарфом. Позвонил дед. Долго ругал за задержку. Предложил ему идти в Пермь пешком. Сам прошёлся по магазинам, чтоб унять злость и нервы, купил сумку в дорогу. Зашёл в недорогое кафе, должно быть, впервые за много лет. Хмурая русская баба стояла на кассе. Случайно опрокинул чашку кофе на стойке, измочив купюры. - Простите, я не хотел. Я могу как-то помочь убрать? - Иностранец? - Француз. - Иди уж, болезный. Сейчас сама принесу другой кофе тебе за столик, а то опять разольёшь. Не понял, что она имела в виду? Мой безрадостный вид или что-то другое? Эльза.

Крышка погреба поддалась с трудом. В нос ударил запах сырости и картошки. Шаткая приставная лесенка навевала тяжёлые думы о вечном. Спустилась. Света тут нет, мрачно и даже немного страшно. Свечу телефоном. Нашла заветный стеллаж, банки варенья за разные годы. Запаслива тётя. Вот и огурчики, а дальше грибочки. Чуть дальше огромный короб отборной картошки. Возьму всё. Без воды в кране готовить сложно. Но что получилось! Картошка с грибами и солёным огурчиком - сказка. Руки мыть нечем, а я устала. Надо что-то решать с водой. Оделась и вышла наружу. Дымок из трубы вьётся только у соседа слева, пойду к нему. Отворила калитку и зашла в чистый от снега двор. Стучу в дверь. Пока тихо, а, нет, вроде шаги. Открывается щёлочка в двери. Выглянул рослый хмурый дядька. - Доброго Вам дня. Я племянница вашей соседки, приехала погостить, присмотреть за хозяйством, пока тётя в отъезде. - Знамо дело. - У меня какая-то проблема с водопроводом, не посмотрите, а я заплачу. Воды в доме из крана нет. - Ты одикла, девка? Какой кран? Дуй в колодец! Кран ей. Вода в нём из бака на чердаке у печной трубы, сам Аглае мастерил. Придурь одна, водопровод летом будет. Жди! - Да? А кто ещё сейчас живёт в деревне? Может, лавка заезжает? - Одни мы тут. Разъехались все. Дачники. - А может, кто заезжает сюда зимой? Может, к Новому году кто приедет отмечать? Или ещё по каким делам? - Кому тут охота морозить зад? Только своим, а те подвымерли. Последний француз и тот сбёг в Бордо лет двести назад. Предок мой. На этом усё, иди, не морочь мне голову, только дом стужу. Водопровод зимой! Цаца. Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. С крыши за шиворот упал небольшой сугроб. Ну тетя, удружила! Может, я тоже хочу сбёгнуть в Бордо? Пока не одикла напроць! Сугроб за шиворотом начал стремительно таять и стекать по позвоночнику ледяной стружкой. Решила отдать хозяйский долг Шарику. Насыпала полную миску

корма и щедро налила драгоценной воды в другую. Поставила перед будкой. А есть ли там тот Шарик? Или это мифическое существо, которое требует подношений на алтарь перед будкой? Может миленький маленький пёсик застрял в ворохе сена?
 - Шарик! Ау? Там есть кто живой?
 Шарик безмолвствовал. Отошла на пару шагов, присела и заглянула в утеплённое нутро собачьего дома. Кошмар. Волк! Он съел нашего Шарика! Отползла в сугроб. Волк вышел, посмотрел на меня с сожалением и начал жрать корм.
 «Шарик?» - робко спросила я. В ответ волк задумчиво махнул хвостом. Мол, я это. Нет, всё же не волк, но похож очень. Только лапы мощнее и короче, есть белое пятно на груди. А вот цепи не видно. Видимо, он и без цепи никуда не уйдёт. Хорошо, если из будки вылезет.
 Дела были сделаны, и я пошла смотреть фильмы.
 К вечеру мороз усилился. Про лыжи пока не хочу даже думать. Дома так тепло и уютно, что идти никуда и не хочется. А придётся, хлев меня ждёт. Вышла на крылечко. Холод нереальный, пробирает до костей. Вернулась в дом искать что потеплее. Нашла старый светлый тулуп. Подозреваю, примерно времён революции. Но тёплый! Правда, тяжеловат.
 Пришло короткое смс от тёти.
 " Я в Германии! Уже дома. Все хорошо! Как корова? Не скучаешь там? Пиши."
 Поскучаешь тут, как же. Сейчас пойду к той корове сено таскать и воду.
 " Всё хорошо, познакомилась с Шариком и соседом. Корова благоденствует. Не скучаю." Ответа мне не пришло. До меня ли ей сейчас?

 Шарль.

 Долго гулял по городу, заходя в магазины погреться. Так непривычно. Обычно меня встречали в аэропорту машиной с эскортом из фирмы. А тут совсем один целый день гуляю вольно. Рейс ещё задержали. Пока ходил, измочил туфли в лужах, сам промёрз насквозь. Был немного побит. Получил тяжеленным баулом от пожилой дамы так и не понял за что. Хотел заглянуть на манящий запах сдобы в лавочку, в которую вели скользких три ступеньки. Дверь отворилась. Оттуда мне навстречу как раз выходила крошечная аккуратная дама, гружёная сумкой. Протянул ей руку, она треснула в ответ меня по голове. И отругала на всю улицу, обозвала воришкой. Люди оборачивались, было невероятно стыдно. В булочную так и не зашёл.

Ближе к вечеру нашёл магазин одежды для военных. С любопытством зашёл. Не удержался, купил тёплые меховые берцы. Переобулся сразу в примерочной магазина. Вид теперь имею бесспорно странный, зато ногам тепло. На улице на меня внимания не обратил никто. Как тут только не одеты люди!
 Вот, например, навстречу мне бредёт совсем молодая ещё женщина в длинной домотканой юбке, забавных сапожках под старину и каком-то непонятном полушубке. Ещё и платок на голове повязан. Настоящая крестьянка с полотен великих русских художников. Только уж больно бледна, зато красива невероятно. Вот уж точно, настоящий ангел, должно быть совсем как тот, про которого писал предок – “Mon Ange”.
 Подумаешь, на мне одеты военные ботинки и кашемировое пальто. Право, какая мелочь. Вылет перенесли на утро. Заселяюсь в гостиницу.

 Элиза.

 Сено досталось мне с боем. Оно не поддавалось. Подлое, оно лежало туго свернутое будто ковер. Кое-как натаскала из рулона достойную коровьего аппетита охапку, перчатки намокли сразу.

Задала сено в ясли. Надеюсь, ей хватит.

Пошла таскать воду.

Главное, не свалиться в колодец в тулупе. Корова выдула три ведра. Притащила пару вёдер для дома. Потная и мокрая вся. Хоть бы помыться. Дома нагрела кастрюлю воды. Подтопила печку пожарче. Ополоснулась над тазом слегка. Завтра же истоплю баню. Спать завалялась без сил. Лишь напоследок бросив кусок мяса кошке. Всё, спать до утра. Мышцы болели все.

 Шарль.

 Наконец-то взлетаем. Вот уж точно - необъятная страна. Вся в лесах. А Санкт-Петербург приятный город. Может и Пермь тоже мне понравится. В самолёте на меня косятся хмурые люди. Некоторые показывают пальцем. Причины понять не могу. Быть может у них другие понятия о приличной одежде? Я тут в салоне сижу в костюме один, они

в свитерах. Или их смутили мои повадки утончённого герцога? Сложно понять. Люди стали переговариваться. Я давно довольно свободно говорю на русском. Но тут, к своему ужасу, многих не могу понять. Речь частая, быстрая, много новых слов. Кошмар! Куда так торопиться? Что вот сосед хочет мне сказать? Я же всё понимал недавно.
 - Не местный? Куда ж ты в таком лапсердаке? Околеешь!
 - Простите, не понимаю. Я француз.
 - Много тут ваших померло. Ты б хоть куртку купил, болезный.
 Это была угроза или забота? Или я что-то не понял. Поблагодарил.
 Вышли из самолёта на трап. У меня замёрзли глаза. Чувствую себя в морозилке. Почти бегу в автобус, поданный до аэропорта. Как тут живут люди? Кажется, я поседел. Ресницы стали белыми. В автобусе чуть оттаял. Все смотрят с сочувствием. Женщина пыталась подарить мне свою шаль. Потомственный герцог вызывает сострадание местных как бездомный. Кошмар! До здания аэропорта снова бежал. Ног не чувствую вовсе. Зачем я надел в дорогу привычные туфли, балбес. В аэропорту всё как и везде. Привычно. Продают сувениры. Купил меховую шапку-ушанку. Великое изобретение этого странного народа. Надел сразу. Заказал такси.
 Глаз снова выхватил из толпы знакомый по Питеру силуэт. Прекрасная незнакомка. Слишком бледная, слишком красива пугающей стыллой правильной красотой идеальных черт, высокого лба, лишённой румянца кожи. Волосы собраны, одежда опрятна, даром, что нарочито груба. Последний шик мировой моды. Кажется, бохо-стайл. Псевдодомотканая юбка, ботиночки на небольшом каблукке, блуза простого кроя. На этот раз девушка была уже без полушубка, если это она, конечно. Незнакомка поймала мой взгляд своими бледными голубоватыми глазами и выжидающе улыбнулась, за мгновение до того, как раствориться в толпе.
 Жду у дверей изнутри, готовлюсь к забегу до машины. Подошёл рабочий аэропорта.
 - Мужик, на, возьми куртку. Накинь поверх, а сядешь в машину, так отдашь через окно.
 Опять подаяния. Куртку взял. Немного грязный пуховик размером на медведя. Протянул купюру чаевых.
 - Ты чё? Я ж от чистого сердца. Не возьму.
 Я его обидел, но чем? Деньги пришлось убрать. Не понимаю. Куртку накинул, стал похож на бомжа. А в куртке теплее. Такси подано, сел в машину, куртку вернул. Хотел поблагодарить, но не смог, замёрзли губы.
 - Вам куда именно нужно, у меня точное место прибытия не стоит.
 - Магазин специальной местной зимней одежды.
 - Спецовка? Это в центре есть такой.
 Странный город. Совсем не похож на Париж. Немного близок к Москве. Очень просторно. Крошечные старые особняки стоят впритирку к высоким домам. По улицам в такой мороз ходят люди, бегают дети. Видел парня, который ел мороженое! Дикие люди кого-то совершенно другого теста, чем все нормальные европейцы. В магазине пустынно. Висят ряды теплых очень простых курток. Купил самый тёплый комплект. Продавец убеждала, что теперь я даже смогу спать в снегу, главное, вырыть норку. Представил воочию, передёрнуло от остатков скопившегося внутри холода. Переоделся в новое прямо там же, я похож на русского. Бушлат, какое странное слово. Дутые штаны по типу горнолыжных и ботинки, что я приобрёл в Санкт-Петербурге. На голове меховая шапка. Варежки, дикое изобретение дикого края, все пальцы будто спелёнуты. Вроде и перчатки, но без пальцев. Продавец говорит, что так значительно теплее. Вышел на улицу. Завидев меня таксист, что курил у машины сел отчего-то в сугроб и закашлялся. Странные они тут все, эти дикие русские. Едем затариваться к супермаркету.
 Вокзал, вот я и на месте, наконец-то. Почти не мерзну, правда, руки и ноги плохо сгибаются под слоями одежды. Каждый вдох обжигает лёгкие жутким холодом. Везде снуют люди, на меня они как-то немного странно косятся. Купил билет на электропоезд. От станции надо найти машину, удалённо это сделать не удастся. Пока ждал, заметил ларёк с уличной едой. Запах горячей сдобы, жаренного на огне мяса доносится крайне соблазнительный. Никогда не позволяю себе есть подобную дрянь, но тут всё же рискнул. Даже снял на секунду варежку, чтобы рассчитаться. Пальцы тут же сковал лютый мороз, и они практически перестали сгибаться. Не пожалел о содеянном ни на секунду, восхитительный контраст горячего мясного пирога и морозного воздуха. Поистине это счастье! А вот и мой поезд, надеюсь, он отапливается. Предъявляю электронный билет на

входе в поезд. Следом за мной ввалился пьяный. Навалился почти падая, пришлось поддержать под локоть.
 - Спасибо, друг.
 - Мужчина, предъявите билет!
 У пьяного билета не оказалось, и он спешно покинул поезд. Даже странно, откуда такая прыть в этом пьяном теле. Мы тронулись, город миновали довольно быстро. Дальнейший пейзаж за окном одновременно и завораживал и пугал. Кругом стоит лес плотной стеной, укрытое белым пологом снежное царство ледяного края. Ни души. Вообще ничего, ни домов, ни людей. Одно лишь глухое пространство тайги. Ужас незаметно подкрался и заселился в душе. Как такое вообще может быть, чтобы совсем никто из людей тут не жил. Скоро станция. Посёлок подошёл к ней вплотную, словно прижался, ища близости других людей во время остановок поезда. Лица в вагоне хмурые, некоторые обсуждают что-то на местном диалекте. Вроде бы говорят так же как в Москве, только очень часто. И мелькают какие-то неизвестные мне слова. Лишь в конце вагона сидит компания весёлых улыбающихся парней. Сколько ещё мне ехать? Следующая моя или нет?
 Сунул руку в карман, смартфона нет. Обшарил другие свои карманы, со все возрастающим чувством страха. Телефона так и не обнаружил. Неужели выронил? В последний раз доставал при посадке в поезд. Потом положил в карман, потом тот пьяный на меня налетел. Станный какой-то. Мог он вытащить телефон? Или не мог? Или у меня паранойя?

Глава 6

Эльза.

 Утро прошло уже легче, яснее.
 В первую очередь бросилась к печке. Растопила сразу. Огонь занялся жарко, горячо. Воды, что натаскала себе на утро, хватало. Рассвет за окном просто дивный. Алым подсвечено тёмное небо. Красота! Пора и к корове идти. Мороз щиплет щёки, кусает за влажные губы. Воздух прозрачный и потрясающая тишина стоит.
 Шарик, похоже, разнообразил свой рацион зайцем. Бегал, видимо, ночью на охоту. Молодец какой! Осталось убрать кусочек шкурки, фу, гадость. Но это потом. Сначала моя госпожа в этом месте - корова. Накормила, напоила, курочек обиходила. Собрала рекордных три яйца, получила клювом в ногу. И бодро ушла домой искать лыжи. Нашла аж две подходящих пары и почти одинаковые палки к ним. Провела неравный бой с паутиной, победила паутина. Я была в ней вся. Взгрустнулось. Передо мной остро, как никогда, замаячила перспектива натаскать воды в баню. Двух ведер хватит? Или надо три? А ещё волосы мыть. Правда, и стрижка довольно короткая. Пять? С запасом выходило все семь. Баня стояла на приличном отдалении от дома. Ещё и снежок пошел так некстати. Лучше натаскаю сейчас, перед коровьим ужином растоплю баньку, а помоюсь на сон грядущий. Мои хозяйственные размышления прервал гневный вопль соседа из-за забора.
 - Ироды! Ты поглянь, шо делается! Кроля утащили! Лучшего кроля! За такие деньжищи скуплял! В город ездил-и-ил! Никак лиса! Ух, паршивка!
 Шарик, ты - козёл! Хорошо, что следы Шарика, и улику у будки припорошило свежим снежком. Повезло, я считаю.
 Затаилась за углом дома. Траурная речь тем временем набирала обороты.
 - Это всё девка ейная. От чужаков одни только проблемы! Знамо дело, она лисичку привадила, фифа! Водопровод ей подавай! Вот и обозлилась чертовка! Никогда такого не было, чтоб кроли из клеток пропадали среди бела дня!
 Дверь в соседский дом с шумом захлопнулась. Я смело вылезла из укрытия и пошла таскать себе водичку в баню. Пообедала. Накормила обедом противного пса, шёпотом, чтоб никто не услышал, отчитала Шарика за наглый грабёж соседа. В ответ мне слегка рыкнули. Ну его, обижаться не буду. Пусть тётя сама с ним разбирается, когда приедет.
 Для полного счастья отчаянно не хватало кусочка солёного бекона. Вечерком после баньки да яичница с поджаренным до хрустящей корочки бекончиком. Чудо!
 Покупные ботинки к дореволюционным лыжам не особо подходили. Еле наладила и по свежему лёгкому снежку направилась к станции за вожделенной добычей. Путь был прекрасен. Снег закончился, солнце слепило глаза. Мочки ушей отчаянно мёрзли. Щёки покрылись тоненькой корочкой льда, если верить моим ощущениям. Бекон был добыт. Обратный путь по уже намеченной мною лыжне прошёл значительно легче. Душу грел предстоящий ужин. Ноги на лыжах несли меня домой сами.
 Шарль
 Моя остановка. Тут так пустынно и дико, лес плотной стеной стоит кругом. Впереди манит огнями домов посёлок. Темнеет здесь рано, впрочем, ещё довольно светло. Жуткое место! Бедный мой предок, только сейчас я начинаю его понимать куда как яснее. Здесь намного холоднее, чем в городе, даже сквозь шарф дышать не могу. Парни из электропоезда вышли следом за мной. А за ними ещё какой-то неприметный интеллигентного вида мужчина, что начал внимательно оглядываться по сторонам. Я решил обратиться к молодым людям, чтобы узнать, у кого есть машина довезти до места паломничества.
 - Добрый вечер. Чудесная погода, не правда ли?
 - Больной или как? Холод собачий.
 Интересно, почему абсолютно все подозревают меня в болезни? Попробовал зайти с другого конца, чтобы завязать беседу.
 - Красивые тут места!
 - Нашёл красоту.
 - Вы, должно быть, живёте тут поблизости?
 - Ты говори мужик, чё тебе от нас надо? Чё прикопался? Живём - не живём, тебе какое дело?
 Как агрессивно они настроены, даже неприятно. И опасно, в общем-то, посреди пустынного места. Тем не менее, я всё же решил продолжить беседу.
 - Я ищу машину, чтобы подъехать.
 - Мы те чё, такси?

 - Нет, разумеется, нет. Но, быть может, вы знаете, кто работает такси?
 - А тебе далеко ехать-то? Есть тут один друган.
 - Километров пятнадцать, не более, в сторону деревни Старая. Я заплачу.
 - К настоятелю, что ли? Это можно. Дело хорошее, перед Рождеством особля. Двигай за нами. Проводим. Только не тормози, замёрзнешь. И там трактор нужен или джип. На таксо встрянешь до весны.
 - Да-да, к настоятелю. Вы очень любезны.
 Шли мы довольно долго. Вот уже и посёлок остался за нашими спинами. Спутники мои молчали. Мороз будто не беспокоил их. Я же, идя следом, без конца разминал пальцы рук, боясь обморожения.
 - Слышь, мужик. Вон там гараж. Вишь, техника стоит. Туда тебе надо. Дядю Андрея спроси или Клопа. Кто-нибудь, да поможет. А нам пора, и так уйму времени с тобой потеряли. Бывай.
 - Спасибо вам, я очень признателен.
 Узкая колея и вправду вывела меня к воротам большого старого ангара. Перед ним стояла техника, которая, по определению, ездить уже не могла. Старый грузовик с деревянным кузовом. Раритет! Трактор крайне облезлого вида с разбитым лобовым стеклом. Что-то похожее на микроавтобус, но без одного колеса, в то время, как остальные, очевидно для погрузки, были замотаны цепями. К ангару по свежему снежку от микроавтобуса вилась тонкая нить тёмной пролитой жидкости местами разлетевшейся каплями. Быть может, машинное масло, подумалось мне. В наступающих сумерках я особо не разобрал. Постучался.
 - Кого там нелёгкая принесла?
 - Прошу меня извинить за беспокойство в столь неурочное время. Я бы хотел уточнить, нет ли тут возможности арендовать транспорт?
 - Транспорт, говоришь? Ща, погодь, выйду.
 Что-то с шумом опустилось за дверь. Мешок, быть может. Потом раздался звук льющейся воды. И, наконец, дверь с лязгом распахнулась. На пороге грязного, донельзя захламленного всякими деталями и инструментом ангара стоял крепкий мужик ростом метра под два. Лицо его украшала широкая невероятно густая борода. За спиной прямо по центру небольшого ангара возвышалась гора явно наспех прикрытая брезентом. Техники в ангаре не было. Начал он без предисловия.
 - Дык кудой ехать-то на ночь глядя собирался?
 - К настоятелю.
 - Знамо дело. К нему, бывает, что всякие ездют. Правда, летом. А сколько заплатишь?
 - Сто евро, если поедем прямо сейчас. Холодно.
 - Покаж купюру-то, болезный. А то на словах и не такое можно пообещать.

Я извлёк из внутреннего кармана куртки бумажник и протянул недоверчивому механику купюру. Он её разве что не обнюхал, после чего вернул мне обратно. Я сунул купюру в кошелёк.
 - Ну, раз дело такое. Да ещё срочность. Ты тут погодь. Я за инструментом сгоняю, колесо пробил. Сейчас поменяю, хорошо запаска есть. Всё равно утром ехать надо будет. И так и так менять. Жди.
 И я остался ждать в полухолодном помещении. Что было делать? Моё рассеянное внимание привлекла всё та же прямая, что шла с улицы, тянулась через пол-ангара и скрывалась под брезентом. Здесь, при свете, она оказалась бордовой. Я несмело прошёл, следуя за ней, как за ориентиром, к тому, что скрывал от меня кусок ткани. С противоположной стороны от меня из-под него торчала лишённая кожи конечность. Через ту же небольшую внутреннюю дверь, через которую только что вышел механик, в ангар проскользнул невысокий парнишка. Руки его были по локоть в крови. В них был крепко зажат топор.
 - Это ты, мужик, нам весь вечер обломал?
 Меня накрыло волной ужаса, волосы на голове зашевелились. Какая машина, какая запаска? Тут нет рабочей техники. Сам же вижу. Это маньяки! Я попятился.
 - Эй, ты куда, мужик? А ехать?
 Пулей выбежал на улицу. Я - свидетель. Под брезентом труп. Надо поскорее уносить ноги. Только куда?!
 Навстречу по направлению ко мне шли парни с поезда.
 - А мы решили проверить, уладил ли дело дядя Андрей.
 Мафия! Все между собой повязаны! Я рванул лесом как заяц.

 Мехдвор фермерского хозяйства.

 - Дядька! Куда от тебя мужик сейчас так убежал? Ты же, вроде, от халтуры никогда не отказывался?
 - Да, кто же его, болезного, знает?
 Сто евро предлагал! И удрал, гад. Это какие деньжищи за двадцать километров пути! Станный он какой-то. А ты его откуда знаешь?
 - А и, вправду, странный. Да на

станции прицепился. Всё погоду нахваливал. А какая погода? Холод собачий! Машину искал, я про тебя и вспомнил. Думаю, дай-ка халтурку дяде подброшу. А ты, никак, с фермы?
- Да, за кабанчиком ездил. Хороший вырос. Тушу разделаю, так загляни - поделюсь. Только колесо дорогой пробил, вона чё. А ты никак на каникулы?
- Сессию досрочно закрыл, вот и приехал пораньше. Матери хоть с хозяйством помогу.
- Подсоби, дело хорошее.

Глава 7

Смеркалось. Шарик приволок очередного кроля и живописно положил перед будкой. И как я это объясню тётке? Точно решит, что пёс голодал.
 - Шарик, гад, отдай кролика!
 - Ppp!
 И оскалится. Я задумалась. Мало мне хозяйства, так ещё с соседом отношения выяснять.
 - А за сосиску?
 - Р?
 - Три сосиски, только из магазина и чахлый кроль мой?
 Шарик ушёл в будку. Террорист. Я положила сосиски на снег, а сама взяла пушистую гадость. Мне сказочно повезло. Пёс его только задушил и помял. Если чуть распушить шерстку, то никто ничего не заметит. Ну, то есть заметит, конечно, но у меня и Шарика будет железное алиби. Главное, привести тушку в приличный вид - подсушить. А там пускай сосед сам думает, от чего загнулся несчастный. Тащить дохлого кролика в дом не хотелось совершенно, но пришлось. Я героически поработала феном. Белая шубка распушилась, высохла. Как новенький, если бы не дохлый. Чтобы приступить ко второй части операции - незаметно вернуть несчастного в сарай соседа, нужно было дожждаться вечера. По вечерам он во двор не выходит. Я приткнула несчастную тушку в уголке сеней и с получистой совестью отправилась готовить обед из оставшихся после торга с террористом сосисок.

 Обед был благополучно съеден, и я пошла осматривать баню засветло. Если коротко, то кошмар и ужас, но чистенько. Старые брёвна, догнивающие свой безмерно долгий век. Древняя печь, тазы, лавка. Всё. Света не было, была керосинка. Воду я натаскала и себе помыться, и корове на ужин, и в дом. Устала. Затопила баньку. Хоть при керосинке, но вымоюсь. Смеркалось. Нужно было осуществлять операцию по избавлению от нелегального кроля. Забор я форсировала довольно ловко, благо двор сосед contained в идеальной чистоте от снега. Следов остаться было не должно. Дверь хозяйстройкой отворилась почти без скрипа. В сарае царилась кромешная тьма. Сердце отчаянно билось. Клетки занимали почти всю стену. Пустовала только одна. Кое-как мне удалось отцарапать подлую задвижку и пристроить тушку в более-менее естественную позу. Ну, Шарик! Отлично будет, если меня застукают. Вот что я скажу соседу? А тётке? Клетка закрываться не хотела напрочь, заело задвижку. Пришлось немного погрохотать, язычок задвижки встал на нужное место. И пулей я рванула к себе. Благо, сосед на шум не выглянул. Сердце стучало бешено. Кошмар! Как с партизанской вылазки вернулась! Проверила баню, топится. Водичка греется. Счастье! Обиходила живность. Пошла искать банный халат, чтобы дойти от бани до дома по морозу под лёгким снежком и, по возможности, не превратиться в Снегурочку. А что, останусь во дворе до весны.
 Нашла тёплый тулуп, ватные штаны, валенки и платок козьего, судя по запаху, скорее, козлиного пуха. Пах он, действительно, радикально. Переоделась. Красота - страшная сила! В особенности такая, аутентичная на все сто процентов!

 Шарль

 Я бежал и бежал куда-то. Сначала по тропе, потом вывернул на дорогу. Дыхание сбивалось. Вперёд гнал только страх неотвратимой смерти. Снег был везде. Он забился в голенища ботинок, попал под брюки. Несколько раз я падал, и тогда снег забивался и в манжеты тоже. Сделал поворот на каком-то перекрёстке и совершенно обессиленный прислонился к сосне. Тьма сгущалась. На небе разгорались какие-то невероятные по яркости звёзды, разбросанные на полотне мрачного злого северного неба. Вокруг ни души. Шагов не слышно. Только я и дикий лес кругом. Надо было выбираться. Быстро идти уже не получалось, бежать тем более. Мрачно я шагал в неизвестность ведомый дорогой. Снег покрывал её толстым пушистым ковром. Впереди был перекрёсток. Куда мне свернуть? Ноги нещадно ныли, опаляемые холодом снега. Смартфона не было, не было карты, спичек. Ничего. Только я и лес. Вдруг где-то позади завыл одинокий волк. Страшная песня волной накрыла сердце. Бежать. Только бежать вперёд! Стая. Дикая стая хищных зверей. Не убили люди, растерзают звери. И я вновь побежал. Мороз обжигал лёгкие. Дышать я почти не мог. Шарф намок от дыхания и охлаждал кожу ещё больше. Я сбросил его в ближайший сугроб. Куда я бегу? Есть ли там

люди? Всё. Дальше я смог только идти. Холод пробрался под куртку, начал леденить мокрую от пота спину, забираться под шапку. Я шёл и шёл. Тьма. Ни души, только я, мороз и дорога. Да где-то вдали подвывающий волк. Пошёл снег. Звёзды и те скрылись. Дальше путь я искал только по просвету в небе. Вдруг впереди меня на дороге показалась та самая девушка, которую я видел то в Питере, то уже здесь в Перми. Кем бы она ни была, быть может, я спасён. Попытался окликнуть прекрасную незнакомку, но девушка никак не отреагировала на мой заледенелый сип. Я попытался ускориться, насколько это было возможно. Силы всё так же стремительно покидали меня. Образ прекрасной спасительницы растворился прямо на моих глазах. Мираж...

 Зато слева мне померещился тихий скрип двери. И я, наконец-то, зашел крошечный огонек невдалеке от дороги. Свернул. Ура! Чей-то забор. Расплакался, кое-как перелез, ломая доски. Тут есть люди. Я спасён. Огонька больше я не увидел. Начал присматриваться, шуря глаза. Как мотылёк, что жаждет света волшебной для него лампы. Внезапно на моем пути возникла преграда. Я упал. То был небольшой стожок сена. Ледяное и колкое, оно дарило надежду. Шаги? Или примерещилось усталому мозгу? Огонёк! Быстро, как мог, я вылез из сена и пошел огоньку навстречу. Сил больше почти не оставалось. Я спасён.

 Свет отрубился, причём, похоже везде. Фонарь не горит. Дошла до бани, подсвечивая телефоном. В баньке тепло. Кожа чистая, на щеках румянец, наверное. Керосинка светит неярко, бросая неясные тени на стены. Пахнет веником и паром, железом нагретой печи. Воды хватило. Сижу, сушу волосы полотенцем, уткнувшись в смартфон. На мороз идти страшно с мокрыми волосами. Тут ещё топать и топать до дома. Телефон благополучно сел. Вспомнились тёткины сказки про лешего, водяного, домового и банника. Любила она ими сторожить в детстве. В баню ночью по поверьям ходить нельзя - банник задушит. Тени скачут по стенам всё страшнее. Вокруг тишина. На душе благостно, но немного тревожно. Послышался скрип снега где-то в отдалении. Спешно оделась, укуталась. Даже выглянула, подсветив керосинкой. Нет никого, только я и страшные истории детства про леших. Досушиваю волосы уже куда быстрее. Снова шаги. Чёртов Шарик пошел за кролём? Или чужие? Ночью, зимой? Вряд ли. Ну не банник же это крадётсЯ в ночи! Скорее уж леший. Замоталась и собралась домой. Лютый мороз обжигает щеки. Во дворе темно. Только полная луна и светит. Огляделась, женщина забрела во двор, должно быть, её шаги я и слышала. Что ей тут может понадобиться ночью в чужом дворе? Может, кто приехал к соседу и не смог попасть в дом? Одета, вроде, по местному, насколько можно различить в темноте. Может фельдшер? Надо соблюдать деревенские понятия о приличных манерах.

 - Доброй ночи!

 В ответ тишина, лишь помахала рукой, мол, иди сюда, и пальцем ткнула себе под ноги, вроде бы. Может немая или простужена? Придётся подойти, мало ли что случилось, всё равно она стоит на моем пути к дому. Не застыть бы во дворе с этими сельскими реверансами. Иду навстречу женщине, сделала уже пару шагов, а та будто растаяла прямо у меня на глазах. Что за бесовщина!

 Быстрее в дом! Ну, эти местные приведения и банников! Страшно. Ещё и тишина кругом. Мельком глянула на дорожку. Кто-то лежит. Пригляделась. Нелёгкая принесла мужика! Спиртным вроде не пахнет. Может, он леший? Вон шапка какая! Такие нормальные люди давно не носят. Или банник шёл меня выкуривать из своей обители! Замёрзнет ведь насмерть. А этот труп соседу уже не подкинешь. Тяжёлый. Что за глупые мысли, сельская жизнь определённо плохо на меня влияет.

 Если ещё до конца не замёрз и живой, надо распахать поскорее и завести в тепло, не бросать же его в лапах холодной смерти? А там разберусь.

 Ещё и Луна скрылась. Вообще ни фи́га не видно. Ладно, была - не была. Наклонилась, свечу керосинкой в лицо. А симпатичного мужика мне сегодня подкинула нелёгкая. Не будь он таким посиневшим, вообще, можно было бы сказать нелёгкой: «Спасибо». Зубами стянула с руки перчатку. Брр, пальцы тут же пронзил ледяной холод. Треплю по щекам незнакомца, вроде бы завозился. Распахнул карие глаза. С перепугу я рывкнула.

 - Кого тут черти принесли? От страха голос охрип.

 - Шер Ами! - донёсся до меня слабый мужской голос из снега.

 Я долго шёл и совсем замёрз. Я из Бордо.

Вот тут стало страшно. Призрак соседского предка? Но почему ко мне!? Мстит за кролей? Мелочно!

 Мужчина, меж тем, снова потерял сознание. Вот и как теперь быть? А если нечистый? Тфу. Что за бред. Самой перед собой стыдно. С другой стороны, какова вероятность наткнуться ночью в таёжной глубинке на замерзающего француза? Если он француз, конечно. Одет-то как чернорабочий. Хотя речь с акцентом, да и сам какой-то смугленький. Да и женщина, что мне примерещилась. Может, это был мой найдёныш, постоял и грохнулся, а остальное – померещилось в темноте. Скорее всего, так и есть.
 И тут-то я вспомнила, что дом у тётки освящён ею, и ,по семейному преданию, заговорён какой-то местной ведьмой ещё при прадеде. Нечисть не пройдет. Фух.
 А маньяк?
 Сбегала, поставила керосинку на крыльцо. Вернулась к французу и честно попыталась тащить его в дом. Сначала за руки, потом за ворот бушлата, в результате кое-как удалось подхватить за ткань куртки. Вот не мог он свалиться чуть ближе к крыльцу? Хорошо, хоть довольно стройный. И как санитарки-то в войну мужиков с поля боя таскали? Ещё лишних метров десять и я помру. Фух. Доволокла до крыльца. Передохнуть бы, а страшно. Или я простужусь, или француз примёрзнет. Шарик так носа и не показал из будки. Острое желание запрячь террориста-Шарика в собачью упряжку для доставки француза в дом.
 Как мне повезло-то, что на крыльце всего пять ступенек. И башкой его только два раза приложила об пол. Ничего, в шапке не страшно. Отворила сени. Приткнула керосинку на полку. Тут уже теплей. Заволокла в сени. Пот течет в три ручья. Пальцев просто не чувствую. Раз в сени удалось заволочь, значит, точно, не призрак. Закрыла внешнюю дверь в дом. Или сени ещё не дом? Внутренняя дверь, распахнувшись, обдала меня благословенным печным жаром.
 Фух! Втащила-таки в дом! И всё же, как санитарочки с этим в войну справлялись? Вытаскивали ведь как-то с поля боя раненых мужиков. Там ещё и всё вокруг взрывалось.
 Прихватив керосинку, плотно закрыла дверь в сени. Француз признаков жизни не подавал. Попробовала похлопать по щекам. Ледяные и колются. Никакого эффекта, но вроде дышит. Хоть бы не сдох, как тот кроль. А то утром позвоню тёте, обрадую трупом иностранца из Бордо в её доме. Если электричество ещё дадут и удастся зарядить телефон. Что делать-то? Чудесное завершение дня. Почти посреди комнаты лежит незнакомец в заледенелой одежде, с которой начинает стаивать снег. Электричества нет, телефон сел. Если что, даже полицию будет не вызывать.

Глава 8

Кого хоть в дом притащила? Вреден деревенский самобытный отдых руководителю среднего звена. Вон как на подвиги потянуло. Нормальные девушки с улицы тянут в дом котят, щенков, ну, ладно, совсем шибанутые тащат в дом кудлатых собак с помойки. Нет, поздравляю тебя, Эльза! Ты, как всегда, круче всех, тебе какая-то призрачная баба подкинула мужика! Судьба расщедрилась аж на целого француза. Правда, поддельного, скорее всего, но сейчас не так уж и важно. Главное, чтоб не маньяк. Хотяяяя...Каникулы-то определённо складываются, если смотреть под правильным углом. Домик в уединённом месте есть, банька есть, мясо на шашлык есть, шампанское есть. Ещё и симпатичный, вроде бы, мужик есть. Точно, будем считать его подарком Снегурочки. А что, как раз в её духе. Как женщина, она выбрала вполне симпатичного. А то, что он слегка подморожен, так это издержки ее снегурочьей работы. Ладно, заканчиваем размышления. Счастье уже привалило, осталось проследить, чтоб не подохло. А то я не знаю, что будет. Да и обидно как-то.
Стянула с псевдофранцуза его дурацкую шапку-ушанку. Определённо хорош, может это только в неясном свете керосинки так кажется? Кое-как, кляня тяжёлое тело, стянула с мужчины заледеневшую куртку. Начинаю развязывать брюки. Бросила взгляд ему на лицо немного смущённо. Все же мужчина, да еще и чужой. Как-то неудобно, где-то в глубине души. И точно, длинные ресницы сначала затрепетали, а потом и вовсе распахнулись глаза.
- Mon Ange! Mon povre parent.
Про ангела было приятно, если я правильно поняла. Но вот при чем тут баран?
- Ты кто, хоть?
Снова он провалился в тьму бессознательного. Что делать, стягиваю заледеневшие брюки и свитер следом. А он красивый. Даже слишком, только уж больно изящный и смуглый. Будто, действительно, отдыхал где-то на южном берегу Лазурного моря.
Разложила тётин диван и спешно застелила его простынёй. Такой же, как и все простыни в её доме - с кружевными подзорами. Вдох-выдох. Последний рывок, беру заледеневшее чудо под плечи и медленно шажок за шажочком тащу в постель. Заволокла, дотащила. Я - молодец! А дальше-то что? Как его отогреть?
Нацепила на мужчину шерстяные носки. Как-то даже налезли. Подкинула в печку побольше дров. Притащила своё одеяло. Закинула им псевдофранцуза. Сверху, вторым слоем накинула тёткино одеяло и ещё какую-то странную шкуру, что сняла со стены, должно быть, волчью. Сунула руку, прикоснулась кончиками пальцев к мужскому телу. Всё такой же холодный. И что мне с ним делать? И где спать самой? Вроде бы, говорят, что лучше всего всякие там задохлики согреваются от живого тепла. Определенно будет жаль, если мой подарочек от Снегурочки не оживёт. Разделась до белья. Чуть помедлила, а что ещё делать? И смело нырнула в кокон из одеял к ледяному, как призрак, чужому мужчине. Сегодня можно. Форс-мажор, как-никак. Мне тоже надо где-то спать. А без одеяла, которым я сама же и закутала незнакомца, зимой спать не вариант. Да и вообще, я его спасаю. Стыдно будет за безрассудный поступок потом, если будет. А сейчас нужно затушить керосинку и спать до утра или сколько получится. Какой же он ледяной! Прижмусь чуть поближе. Брр! Холодно.

Утро началось с воплей из-за забора. Даже в доме слышно, ну надо же!
- Призрак!
Что, и у соседа тоже? Даже проснулась. Почти.
- Призрак! Призрак кроля! Это же натуральный упырь! В заклинившей клетке! Я же только вчера кинул эту тушку соседскому псу! Это всё происки питерской ведьмы! Наступила пора нечистой силы! Грядёт восстание зомби-кролей!
Видимо я Шарика нечаянно обворовала. Кто ж знал-то? Да и про питерскую он в чём-то, определённо, прав. Но извиняться я не пойду. Ну его на фиг. Под боком завозилось. И вот тут уже чуть не заорала я. Чёрт! Француз недоделанный. Я же даже не вспомнила сразу всю бездну своего вчерашнего морального падения. Ой, и глаза распахнул. И лоб холодный.

 Шарль.

 Где я?!!! Кто это?!! Я умер и это ангел? Или меня подобрали как щенка с улицы? Но тогда почему я в одной постели с девицей?! Польстилась на громкое имя и захомутать меня что ли решила таким образом эта прекрасная дикарка? Поруганная девичья честь и все дела? Ну, уж нет.
 - Как Вас зовут?
 - Где я и кто Вы?
 - Эльза. Я нашла Вас в своём дворе этой ночью совсем продрогшего.
 - Мое имя Шарль, я из Бордо.
 Девица заливисто расхохоталась.
 - Не поверю. Буду считать тебя подарком Снегурочки к Новому году.
 - Почему?
 - Что именно «Почему?». Почему не поверю в то, что вы из Бордо? Или почему Вы подарок Снегурочки?
 - И то, и то.
 - Ну а кто ещё мог подбросить ко мне во двор ночью замерзающего мужчину?
 А не поверю, потому что одеты вы, уж простите, как рабочий с завода. Да и что тут делать уроженцу Лазурного берега, посудите сами? Хотя говорите Вы с акцентом. Но мало ли. Я не лингвист.
 - А как мы тогда оказались в одной постели?
 - Я согревала вас своим телом. Боялась, что вы умрете от переохлаждения. И что я тогда скажу?
 - Кому скажете?
 - Не важно. Так кто Вы и откуда? Только честно.
 - Мое имя Шарль, я из Франции. В куртке должны быть документы.
 - Я искала, но не нашла. Даже телефона у Вас и то нет.
 - Как не нашла?

Я подскочил и тут же ко мне пришло понимание, какую глупость я совершил, выскочив из постели. Холод. Опять этот холод. Даже в избе.
 - Где мои вещи? - спросил я, подрагивая всем телом.
 - В соседней комнате, я развесила ночью на печке.
 Ничему меня не научила жизнь. Резко дёрнув за дверную ручку, я попал словно в холодильную камеру. Собрав всю свою волю в кулак, сделал целых два шага в полумрачную стильную комнату. Осмотрелся, привыкая к сумраку этого холодильника. Вещи и вправду оказались развешены по кирпичной тепловатой стене на манер ковра. Схватил куртку и позорно удрал в единственную, видимо, тёплую комнату этого дома.
 Документы обнаружили в внутреннем кармане под молнией. Это ли не чудо!
 - А почему там так холодно и темно?
 - Я на ночь закрывала дверь, чтобы отсюда тепло не уходило. А окно небольшое и так, да еще его снегом запорошило. Ветер ночью был с той стороны. Отвернитесь, я оденусь. А лучше залезайте обратно в кровать, чтоб не заболеть.
 Станные люди эти русские. Как спать с незнакомцем под одним одеялом, так никакого смущения. А одеваться при мне девушка постеснялась.
 Впрочем, я последовал её совету и залез в тёплое логово. Впервые я спал на столь странном ложе, где кружева мирно соседствовали со шкурой дикого зверя. Но надо отдать должное этому дивному лежбищу. Оно было невероятно теплым. Какой кошмар. Дикий край, дикая девушка и я, современный человек, герцог, вынужден искать живительное тепло под шкурой дикого зверя в постели с незнакомкой.
 - Мне нужно позвонить, могу я воспользоваться Вашим телефоном?
 - Нет. Электричество закончилось.
 - Совсем? А как вы тут живёте? Так не бывает!
 - Если потрёте эбонитовой палочкой о шкуру, то, возможно, при должном усердии и добудете немного.
 - Этого хватит, чтобы совершить звонок? Мне нужно заказать машину.
 Девушка залилась громким смехом, и только тут до меня дошло, какую глупость я сказал. Кровь бросилась к щекам.
 - Боюсь, что нет. Отвернитесь к стенке, я оденусь. Кстати, как Вы себя чувствуете?
 - Лёгкая слабость, но это быстро пройдет, я думаю.
 Эльза, судя по охватившему мою спину холоду, откинула одеяло и встала. Всего минута, как её нет в постели, а я действительно начинаю понимать всю глубину мудрости девушки, что решила меня согревать своим телом. По ощущению из кровати вытащили главный греющий элемент.
 - Я оделась, можете поворачиваться.
 Какой странный вид приняла она. Лыжные штаны, меховые тапки, кофта грубой вязки. Но ей определённо идёт и этот странный наряд.
 - Где я могу освежиться?
 - Я сейчас слезаю на чердак и принесу какие-нибудь вещи, взамен Ваших. А потом сможете выйти в сени. Это быстро. Мне кажется, я видела там вчера что-то подходящего размера.

Девушка наклонилась и раскрыла жерло огромной печи. Внутри тлел огонёк, на меня повеяло благодатным теплом. Она ловко положила внутрь несколько поленьев. Дверца к столь

желанному теплу с громким лязгом захлопнулась.
Моя выдержка изменила мне.
- Может быть, стоило всё же оставить дверцу открытой?
- И устроить пожар. Ну уж нет, и не смейте даже трогать какие-либо дверцы и задвижки. Можно угореть.
- Угореть? Это как?
- Угарный газ повалит незаметно в дом и будет два трупа. Считая кошку, три. Ждите, я быстро.

Эльза.

Так, где же тот чертов тулуп. Ведь натыкалась на него, пока искала себе валенки. Да и валенки на большую ногу там были. Без подсветки телефоном ничего не видно. Нашла! Бедный француз. Тулуп старой выделки весит не меньше его самого, да и валенки без резиновых галош поверх будут скользить. Ну, чем богаты, тем и рады. Спустилась вниз. Бледный, сидит на кровати завернувшись во все одеяла. И взгляд такой нездоровый, будто бы ошарашенный, смотрит в стену. Интересно, что он там увидел? Стена, как стена.
- Держите одежду. Штаны должны были высохнуть, я их вешала с самого тёплого боку. Сейчас принесу. Эй, Вы меня слышите? И можно мне посмотреть ваши документы?
- Да, конечно. Я очень Вам благодарен за заботу. Не подскажите, а призраки, это нормально в вашем краю?
- Вроде бы нет, но это не точно. Да вчерашнего дня я их не встречала.
- Надо же, я тоже. До вчерашнего дня не встречал, даже по ночам в нашем замке.
- У вас есть замок? Вот уж точно не поверю.
Я зашла в смежную комнату. Как повезло Шарлю, высохли не только штаны, но и джемпер.
Фамильный замок, тоже мне, нашел доверчивую дуру.
- Держите, можете смело одеваться, я не смотрю.

Шарль.

Стоило люку на чердак захлопнуться, как прямо из стены в самом тёмном углу комнаты вышла незнакомка, та самая прекрасная незнакомка, виденная мной в аэропорту, а затем я видел её же в Санкт-Петербурге, и, наконец, здесь в лесу.
Женщина начала шептать страшным, леденящим душу, замогильным голосом.
- Пришëëëëл. Нет, ты не он. Ошиииблась.
Спрятался он от меня под покровом смерти, а потомка отправить ко мне не побоялся. Ты такой же. Кайся за его грехи в храме!
Нарушишь - покараю! Здесь ты полностью в моей власти! На моей, ведовской, родной земле! Отсюда тебе не уйти, куда не покаешься. Не выпущу. Запуржу, заморожу! Век дороги не найдёшь.
И растаяла. Просто растворилась в воздухе. Что это было? Бред? Или проклятие действительно существует? Но так же не бывает!

Глава 9

Эльза.

 Посмотрела документы. Надо же, действительно француз из Бордо. Бывает же! Интересно даже, зачем пожаловал в наши края. Неужели на могилу какого-нибудь своего далёкого предка? Или за реликвией, позабытой солдатом армии Бонапарта в нашем диком таёжном краю. Хотя, он же что-то говорил про замок? Любопытно. Как бы узнать?
 - Я оделся, можете повернуться.
 - А Вы сюда по какому делу пожаловали?
 - Мне нужно попасть в старый храм к настоятелю. Да вот... Заплутал дорогой.

Врёт, как дышит, ну и ладно. Фу на него такого. Я поставила чайник на печку, приткнула туда же сковородку, чтобы накалилась, как следует. Плеснула на неё настоящего подсолнечного масла из тётиных запасов. По дому поплыл аромат жареных семечек, в животе заурчало.

 - А где я мог бы освежиться?
 - Вон та дверь, а там небольшая дверка слева. Только тулуп накиньте.
 - Зачем?
 - Чтобы не простудиться. И валенки не забудьте. А я пока приготовлю нам завтрак. Яичницу с беконом и сыром французы едят? Предупреждаю сразу, сыр без плесени, трюфелей не держу, а лягушки ушли спать еще осенью.
 - Я буду очень признателен Вам за еду.

 Вернулся француз чем-то очень озадаченный.

 - Что-то не так?
 - Там так холодно. Почему вам не сделать там обогрев? Где я могу помыть руки и привести себя в порядок?
 - Я вам полью из кувшина, идите к раковине.
 - А почему нельзя воспользоваться краном?
 Кажется, у Шарля произошёл небольшой вывих мозга.
 - В нём нет воды. Вы себя хорошо чувствуете?
 - Вполне. Спасибо за заботу.

 А она уже и не слышит. Умывается прямо при мне из кувшина над раковиной. Смешно фырчит. Жуткое холодное место, волки воют, дикий лес кругом и она...это нежное хрупкое чудо, что проснулось при алой заре.

 - А как вы относитесь к агротуризму?
 - Никогда не пробовал. Как-то не приходилось.
 - В жизни нужно попробовать всё из возможного, я считаю. И, когда я смотрю на Вас, мне начинает казаться, что вода в кране сегодня точно появится. И в бане, если вы желаете искупаться. Вы же не откажетесь мне немного помочь? Это будет чудесный новый опыт в вашей жизни.
 - Вы так считаете?
 - Безусловно. Садитесь завтракать, потом я Вас ненадолго оставлю. А дальше мы займемся агротуризмом! Тем более, что в храм абсолютно неприлично идти грязным. Только после бани. Это традиция!
 - Я не знал. Спасибо, что предупредили. Будь по-вашему! А какое отношение наличие в доме воды имеет ко мне? Что-то требуется починить?
 - Самое прямое. Всё исправно, не переживайте. Так, немного поможете и всё.
 Садится на выдавший виды стул. Тот скрипнул, будто скулывал сочувственно.
 - Я заплачу. Потом.
 - Я обижусь. Вообще-то я от души.

 Ел он, как говорят в деревне, жорко. Сладострастно даже. Должно быть, так есть могут только французы. Я засмотрелась. Аккуратно пользовался ножом и вилок, неимоверно изящно, наслаждаясь каждым кусочком, и от этого наслаждения немного жмура глаза. Я потрясена. Вроде бы еда, как еда. А ест так, будто бы никогда даже не пробовал ничего столь вкусного. В голову стукнулась неуместная деревенская мудрость. Каков мужчина едок, таков и работник, такой и в постели будет. А всё же, любопытно было бы это узнать. Из размышлений меня выдернул бархатный и мурчащий голос Шарля.

 - Что-то не так?
 - Я просто задумалась, простите.
 - Вы потрясюще готовите.
 - Спасибо, я пойду во двор ненадолго. Дела. Посуду можете просто поставить в раковину. Вымою позже, как вода появится.

Хм. Шум мотора пронзил деревенскую тишину. Мне послышалось или нет? Точно, кто-то едет. И, судя по звуку, едет как минимум трактор. Пока одевалась, машина остановилась у соседского двора. Хлопнула дверца, я наострила ушки. Хоть бы это были электрики! Я смогу зарядить телефон! А это первый признак цивилизации!
 Вышла в сени как раз, когда с улицы раздался бодрый голос соседа.
 - Нет туточки никаких хранцузов! Сбёг ваш хранцуз

в свое Бардо! Чтоб ему пусто было! А к соседке моей даже не суйтесь - ведьма, как есть ведьма! Вот те крест, мужик. Ещё и сумасшедшая! Ко всем с медными трубами пристаёт. Воду ищет, значитцо. А потом упыри вылазят!

 Я спешно вернулась в дом.

 - Шарль, там, кажется, Вас кто-то ищет.
 - Боюсь, это достаточно маловероятно.
 - У соседа спрашивали француза. Вряд ли к нам в деревеньку забрел ещё один выходец Лазурного берега.
 - Спрячьте меня!
 - Всё так плохо? Берите тулуп, валенки и лезьте в погреб. Только вещи свои захватите. Там Вас точно никто не найдет.
 - Погреб, это что?
 - Холодильник. Я открою. Да шевелитесь Вы, если так опасаетесь быть пойманным.

Я же, тем временем, спасибо за подсказку соседа, натянула тулуп, валенки, поверх лыжных штанов замоталась пледом на манер юбки. А на голову намотала платок низко-низко, надёжно укрыв под ним почти всё лицо. Теперь точно я буду похожа на деревенскую ведьму. Выхожу на крылечко. Сколько же снега намело за ночь! У моей калитки стоит мужик в чёрной дубленке, такой же кепке. Улыбается, правда улыбка скорее похожа на оскал. А вот за спиной у него неплохой такой внедорожник и в нем ещё люди, кажется, мужчины. Не нравится мне всё это. И во что меня угораздило только вляпаться?
 - Хозяйка! - донеслось от калитки.
 - Ась?!
 - Доброго дня, говорю.
 - Який он тебе добрый, хлопец?
 С перепугу я зачем-то перешла на украинскую мову. Откуда она только взялась в моей голове??
 - Парня молодого не видела, старая?
 - Видала! Шо ж не видать-то!
 Мужик подобрался, как пёс перед прыжком.
 - Где?
 - Дык на чугуночной дороге, прошлым месяцем. Кады за хлебом ходила.
 - А вчера или сегодня видела?
 - Как не видать, видала.
 - Где?
 - Дык вот, ты ж у калитки и стоишь, горланишь. Хошь, погадаю?
 А других мужиков тут с лета никто не видывал, ну, окромя соседа моего. Так он уж не молод.
 - Ясно, бывай.
 Мужик сел в джип, резко развернул машину, чуть не угодив при этом в забор, и сильно дал по газам. Машина уехала в сторону станции. Супер. Вот только бандитских разборок-то мне и не хватало. В хлеву начала голосить корова. Еще бы, на целых пятнадцать минут опаздываю.

Глава 10

Шарль.

 Дикий край!
 Ничего не понимаю. Почему я должен это сейчас надеть?
 Только поняв, где находится туалет, я проникся необходимостью надеть странную шубу и сапоги. Тут мороз почти как на улице.
 Как унитаз может быть деревянным? Вот как? А может. Кошмар! Дикое место. Хорошо хоть не на улице. Должно быть, здесь бывает и так.
 Никогда, ни в одном ресторане Франции, этой изысканнейшей из гурманок, я не ел столь вкусную и простую еду. Дивные свежайшие яйца с беконом, приготовленные в этот жуткий мороз на огне домашнего чуда - печи. Милая, тонкая, стройная девушка всё хлопочет. То подбросила в очаг дров, то поколдовала над заслонками печи, приказав мне строго-настрого ничего не трогать. Иначе, если настроить что-то не так в этом древнем, но строгом к исполнению ритуалов агрегате, можно умереть. Очень странно. Будто попал лет на сто, а быть может, и на многие века назад.
 Жуткое место, странные люди.
 Сначала петлять как заяц по лесу, спасаясь от маньяков, затем чуть не замерзнуть до смерти, потом обнаружить себя в постели с незнакомкой, наконец, получить угрозу от призрака, уж не померещилось ли всё это мне?
 А теперь меня ищут. Кто может меня здесь искать?! Вчерашние бандиты со станции? Первым делом вспомнил про них, поэтому и попросил не выдавать моего присутствия в доме.
 Но, нет, не похоже. Перед тем как спуститься в мрак подземного хранилища, я успел осторожно посмотреть в окно. У тех, вчерашних, со станции, такой машины не было и в помине. Тогда кто это может быть? Дед выслал кого-то меня искать, когда не смог дозвониться? На него не похоже. Тогда кто это может быть и зачем, вообще, дед отправил меня в эту добровольную ссылку? Были какие-то другие причины, кроме письма? Более материальные и веские?
 Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Нужно срочно добыть телефон. Это первоочередное.
 С призраком, или кто это был, мои планы совпадают, вопрос лишь в том, как добраться до храма. Бред, конечно, полнейший, но видел и слышал-то я его своими глазами.
 Дверь скрипнула, послышались лёгкие шаги где-то прямо у меня над головой. В дом вернулась Эльза. И, судя по всему, она была одна. Что я ей скажу? Кто меня ищет? Вот уже она открывает люк подземелья.
 - Вылезайте!
 Я радостно вылез в тепло и уют деревянного дома.
 - Кто это был? Зачем они Вас ищут?
 - Сам не знаю. Вчера на станции я искал машину, чтобы добраться. Попал в странное место. Должно быть, увидел лишнее.
 - В это я поверю. Они уехали. Идёмте, займемся агротуризмом, если Вы надеетесь сегодня помыться. Да и корова меня зажала, если честно. Скоро разнесёт свой хлев в щепки.
 - Мне нужно позвонить, как это можно устроить? Свой телефон я обронил в поезде.
 - Будем надеяться, что скоро дадут электричество, сможете позвонить с моего. Жду во дворе, одевайтесь теплее. Сегодня снова ударил мороз.

Как она хороша настоящей исконной какой-то красотой сельской девицы. Красные с мороза щёки, иней на ресницах и волосах, алые губы, что так и манят коснуться, гордая стать, гибкость девичьего стана. Таких не встретишь в больших городах. Только тут в диком краю мороза и снежного плена.
 Корова. Смешно. Я, герцог крови, буду работать в снегах, совсем как мой предок. Работать за возможность помыться. Что ж, рискну испытать на себе прелести сельского быта.
 Оделся теплее. Тулуп, шапка-ушанка, обувь жуткого вида, судя по всему из валяной шерсти, благо перчатки и брюки высохли мои собственные.
 Вышел на улицу. О, мой Бог! Дыхание перехватило морозом, замерзли глаза, опалили щеки. Осмотрелся. Кругом снег. В нём безнадежно потонул весь окружающий мир: и домики, и лес, и сам двор. Какой ужас!
 Эльза нашла у крошечного деревянного домика. Крутит какую-то ручку с явным усилием. У её ног на снегу стоит жестяное ведро. Прошла минута, и из домика показалось другое ведёрко. Судя по движениям девушки, довольно тяжёлое. Вот она ухватила и начала переливать воду. Стоп. То есть вода добывается из недр земли вот таким вот древним

методом? И чтобы помыться, и для питья. Дикость!
 - Шарль, идите сюда. Следующее ведро - ваше.
 О, мой Бог! Как же страшно! Ужасающая глубина деревянного сруба. А ведь его кто-то копал когда-то.
 Вода видится чёрным пятном далеко внизу. Я стою на краю пропасти. Руки трясутся. Я – герцог, передо мной деревенская девка. И я слаб. Ничтожно. Будто преданный слуга, готов я склонить колени перед своей спасительницей, лишь бы не смотреть внутрь пугающей глубины. Как страшно! Ноги трясутся и скользят по страшному льду, что намёрз здесь у источника жизни и чистоты. Будто читая мои мысли, милый мой ангел, Эльза, произносит медленно и чуть шутя:
 - Бог с вами, мой рыцарь из Бордо. Я достаю, а вы таскаете воду. Корове, на баню, если желаете мыться, и в дом.
 - Как прикажете, Мон Ange., вырвалось имя из старого письма.
 Словно порог вечности был нарушен. Мон Анже. Ангел мой. Ты так хороша, так красны твои щеки. Морок. Порочная фигура дикой нимфы и нежная пленительность невинного взгляда. Девка смеётся. Ей ведом мой страх. Ощущение смерти, что готовит вода, стоит лишь оступиться. И не станет ни древнего рода, ни герцога в моём лице. Мон Анже. Как ты прекрасна. Многих женщин я знал. Все они жаждали титула, власти, силы. Той невероятной, пленительной силы, что дают деньги. Но никто никогда не смел ещё смеяться над герцогом, что в тулупе таскает воду рогатому божеству.

 Обед! Словно простолюдин я жаждал этого слова.
 Простая деревенская изба – это оплот рая на земле. Тепло, уютно пахнет горящими дровами. Вот в ловких девичьих пальцах замелькала посуда. Печка выпустила в дом небольшое облачко дыма перед тем, как поглотить очередное полено. Звякнул чугунок плиты, по дому пополз запах нагретой посуды. Минута, и девица скрывается в подполье с лукошком. Чем-то звякает в той кладовой, грохочет. Ещё пять минут и показалось из проёма в полу лукошко, полное разнообразной деревенской еды. Тут и картошка, и банки с неясным содержимым.

 - Держите корзину, Шарль. Сейчас будем готовить обед.
 - Будем?
 - Определённо. Я доверю вам самое главное - чистить картошку.

Эльза.

 О чудо из чудес! Дали электричество. Сейчас заряжу телефон, ноутбук и буду почти цивилизованным человеком!
 Вода теперь течёт из крана. Спасибо Шарлю, наполнил бак. Работник из него, конечно, так себе, но старался. Вечером ещё и банька будет. Есть в жизни счастье. Определенно, есть.
 Обед опять-таки удался. Картошка с солёными груздями и маринованными огурчиками, что может быть лучше?
 - Телефон зарядился немного, будете кому-то звонить?
 - С удовольствием, если Вы не возражаете.
 - Не возражаю, только, если хотите иметь устойчивый сигнал, выйдите на улицу. В доме связь может пропадать.

 Шарль.

 Поздравь себя, Шарль, ты начал побираться. Сначала работал за еду, теперь выпросил телефон. Повезёт, если дед возьмет трубку. Впрочем, должен взять, звоню то я с русского номера, должна проскочить аналогия в голове упрямого идиота, макнувшего меня с головой в аутентичный отдых в российской глубинке.

 - Добрый день. Это я, Шарль.
 - Хорошо, что ты звонишь не со своего номера.
 - Не будем ходить вокруг да около. В чём настоящая причина моей высылки из Франции? Меня тут кто-то ищет.
 - Будь осторожен, найди, где спрятаться. Я не был уверен в своих выводах, отправляя тебя в Россию. Но, во Францию не смей возвращаться в ближайшее время, и мне больше не звони. И не смей пользоваться своим телефоном! По нему могут вычислить твоё местоположение. Я всё решу, и ты сможешь приехать. Дай мне два дня. Нет, позвони через четыре. А пока найди себе какую-нибудь пейзажку или ещё кого и пережди эти дни у неё. В гостиницу даже не думай заселяться по своим документам, слышишь, Шарль? Тебя не должны найти!
 - Ты можешь мне толком объяснить, в чём дело? Что происходит?
 - Через четыре дня, позвони, я всё объясню. Скройся, спрячься, тебя не должны найти! Про храм никто ничего не знает, можешь попроситься на постой к настоятелю. Деньги творят чудеса! Только не показывай никому своих документов!
 - Я уже нашёл постой у местной пейзажки, не переживай.
 - До связи.
 И отключился, старый интриган. Всю жизнь плетёт сети, словно паук мощную паутину.

Как лучше поступить? Остаться в доме Эльзы? Если она ещё согласится на это. Или поискать кров у настоятеля храма? Девушка, безусловно, прекрасна, но, может быть, у настоятеля условия для паломников хоть чуть, но все же менее экзотичны? И как ещё добраться до того храма, вот в чём вопрос. Пешком идти - равно остаться навечно ледяной статуей. Загрузил карту и нашел на ней старый храм. По прямой каких-то три километра. По дороге десять. Дикие люди. Не могли сделать прямую дорогу? Зачем такая петля? Всё не так, как принято в цивилизованном мире. Возвращаюсь в дом. Как же тут восхитительно тепло. Эльза моет посуду и что-то мурлычет себе под нос. Дивной красотой наделила природа эту девицу. И ведь ни капли косметики, ни капли притворства. Непривычно и чудно.

- Вы не знаете, как добраться до храма?

- А Вам действительно туда нужно?

- Да. Это цель моего приезда в Россию.

- Связжитесь с настоятелем, я полагаю, храм может быть закрыт в это время года. Вы умеете кататься на лыжах?

- Я катался в Швейцарских Альпах. Стою вполне уверенно. А при чем тут это?

- Туда в хорошую погоду можно добраться на лыжах, но выезжать нужно рано утром. Вы готовы к такой поездке?

- В целом, да. Вы сможете меня приютить на эту ночь и составить компанию в лыжном турне до храма? Я заплачу, сколько скажете.

- Ну не выгонять же Вас на мороз. Денег я не возьму. Но Вы вполне можете предложить ответную любезность.

- Какую?

- Пригласить меня к себе в гости, в ваш фамильный замок.

Язык собрался сказать твёрдое «нет», но перед внутренним взором выплыло лицо деда. Стоит ему только увидеть деревенскую девку в холле нашего «фамильного склепа» и он испытает истинный шок. Шикарная месть за то, что не поставил меня в известность о своих кознях. А если ещё её представить, как свою пассию или невесту... Я практически буду отомщён. И в следующий раз, возможно, дед снизойдёт до того, чтобы объяснить мне цель своих приказов заранее. И обойдётся мне сей чудный сюрприз не слишком уж дорого. Невольно, я расплылся в улыбке.

- Буду рад. Дорожные траты я возьму на себя. Мы сможем пожить пару дней у настоятеля храма и сразу после отправимся в посольство оформлять Вам визу. Это будет довольно быстро. У меня есть связи.

Девушка расхохоталась. Что тут смешного?

- Вы лжец, милый Шарль. Что делать потомственному аристократу с фамильным замком в наших краях?

Последний француз отсюда сбёг в родное Бордо более двухсот лет назад.

- Откуда Вы знаете?!

- Это предок соседа, по крайней мере, он так считает.

Или Вы про то, что Вы лжец?

- Я потрясён историей соседа. А имени своего предка он не знает?

- Я не спрашивала. И Вам не советую, сосед зол на весь мир.

- Что касается меня, Вы можете воспользоваться поиском в сети и узнаете, кто я.

- Я подумаю над этой идеей, мой рыцарь. Что-то корова мычит? Слышите?

Эльза.

Вот чего ещё, спрашивается, не хватает этой корове? Еда есть, вода есть, кормов дала. Что так орать-то, как будто её режут? А, может, и вправду кто пролез в хлев, вот и орёт?

- Коровка, я уже бегу, только вилы прихватчу по пути, ладно?

Дверь в хлев отворила как можно резче. Пусто, никаких обидчиков у коровы нет. Тогда что тут могло случиться? Аккуратно прикрыла за собою дверь, чтобы не выпускать наружу драгоценное тепло коровьего дома.

У коровы под ногами телёнок лежит. Мокрый весь. Это месть соседа мне за кроля! Убью гада! Только телёнка мне и не хватает для полного экстрима! Можно подумать, мне мало подарка от Снегурочки! Высушу только детёныша, чтоб не замерз. Чем телят-то сушат?

Коровёныш попытался было встать, но безуспешно. Благо загон у коровы большой, места много. Корова развернула рога к малышу... Хоть бы не убила. А нет, лизнула. Стоп! А не её ли это телёнок? И что тогда делать? А что у неё висит под хвостом? Это что-то пошло не так? Или?! Точно, после теленка рождается детское место. Видимо, процесс ещё не закончен. А мне-то что делать?!

Сунула руку в карман, набираю тётю. Абонент не абонент. Жесть, я на такое не подписывалась. Надо бы вспомнить, что делала с телятами тётя в моем детстве. Вроде бы их поили отдельно из соски? Или не всех? У соседа, точно, была корова лет пятнадцать назад. Пойти, спросить? Или сначала надо сушить телёнка?

Бегом рванула во

двор, проскользнув в самую щелочку двери, чтобы морозом не опалить малыша. А, может, это вообще девочка? Тёлка тогда. Распахнула дверь в дом. Шарль задумчиво созерцает окрестности в окно. Вот идиот! Ой, он же ещё ничего не знает!

- Шарль, корова родила!

- Поздравляю, это же хорошо, да?

- Одевайтесь! Да быстрее же! Вы должны помочь с телёнком! Он мокрый.

- Но я не ветеринар!

- Держите полотенца. Готовы? Идёмте, а я за соседом. Надеюсь, вы справитесь. Иначе я лично вас съем!

Шарля я почти впихнула к корове. Он пытался что-то ещё говорить, но мне было не до него. Вытирает, уже хорошо. Бегом бегу на поклон к соседу. Снег такой рыхлый и его так много, что бежать получается с огромным трудом, даже калитку и ту завалило до середины, еле смогла её отворить, чтоб пролезть. У соседа весь двор расчищен. Мне стыдно, честно, но это потом. Главное, не загубить корову! Тетя мне этого никогда не простит, да и самой будет жалко до слез.

Кулаком стучусь в дверь. А соседа всё нету. Неужто, мне никто не поможет? А нет, вроде слышу шаги за дверью и лёгкую брань. Открывает.

- Опять ты, болезная? Всё носит ко мне чужаков! Нет воды! Только в колодце! Оттудова и тягай!

Я смогла только выдохнуть громко.

- Корова! Помогите!

Сосед моментально подобрался.

- Что стряслось?

- Родила! А я ничего не знаю. И тетушка трубку не берёт. Помогите, а? Заплачу сколько надо!!!

- Денег не возьму. Соседи, чай. Жди здесь, оденусь и пойдём. Кого родила-то хоть? - донеслось гулко из дома.

- Телёнок.

- Знамо дело, не самолет. Бычок, тёлочка?

- Не знаю! Не смотрела ещё. Он мокрый.

Сосед уже одет, шустро он! Запирает дом и шагает за мною следом.

- Я ж своих коров держал, знала, нет? Даром что учитель истории.

- Неа.

- Послед-то хоть отошёл?

- Что?

- Висит что лишнее из коровы? Давно она растелилась? Сама или помогала ты ей?

- Она сама отелилась минут пятнадцать назад. Сзади что-то висело.

- Разберёмся, не переживай.

Похоже, мне подсунули другого соседа. Этот куда шустрее и говорит иначе. Спросить? Не спросить? Спрошу, пожалуй.

- Вы раньше как-то немного иначе говорили...

- Так это чтоб тебя, непутевую, отвадить. Ясно ж было, девка городская, к комфорту привычная, балованная. От деревенской жизни уж точно отвыкла. Так бы и бегала ко мне каждый час за помощью да советом, если б сразу дурнем деревенским не прикинулся. Ты ж сегодня сама на чужаков так же накинулась.

Кроля, кстати, ты подкинула?

- Я. А почему вы меня ведьмой обозвали?

- А то не знаешь?

- Не знаю.

- С коровой разберёмся, так чаю попьем, расскажу старую легенду, историю твоего рода.

- Моего?

- И твоего, и моего, и француза...

Мы как раз дошли по сугробам до хлева. Я распахнула дверь. На полу сидел Шарль и нежно-нежно, улыбаясь какой-то потаенной улыбкой, растирал телёнка. Опешившая от такой заботы о собственном детёныше, корова задумчиво нализывала французу голову. Волосы несчастного стояли уже вертикально.

- Шарль! А где ваша шапка?

- Шапку это милое животное хотело съесть. Смотрите, какой хорошенький! Мальчик.

- Шарль? К нам пожаловали французы? Твоя тётя ничего не говорила про то, что ты будешь не одна.

- Я его случайно подобрала в своем дворе. Он хочет посетить старый храм. Говорит, что за тем и приехал.

- Вот и вернулся каяться француз... Что ж. Сначала телёнок с коровой, а потом расскажу вам местный фольклор. Напите старого соседа чаем? С конфетами. Я люблю шоколадные местного производства. Они есть в магазине при станции. Да мне идти тяжело по такой погоде. Кто бы угостил.

- Я всё поняла, с коровой справитесь? Позвоню тётё, огорчится, что родился бычок.

- Погоди, дай как следует посмотрю. Мальчик, мальчик... Тёлка это. Девчонка.

- А это тогда что? - возмутился было Шарль.

- А это – пуповина. Девочку перепутать с мальчиком довольно сложно, но вам удалось.

Всё, Эльза, катись до станции, если согласна. Только подойник принеси мне. И тётю набери. Раз тут такое дело, я думаю, она сестрицу на хозяйство выпишет. С тебя толку-то мало. Только корову попортишь.

Глава 11

До станции за конфетами к чаю я обернулась быстро. Ещё прихватила еды в расчёте на моего француза. Рассчитывала-то я изначально продукты на себя одну. По пути обратно меня терзали разные мысли и сомнения. Может так быть, что Шарль и вправду богат и знаменит? Впрочем, это сейчас не так важно. Куда интереснее заполучить визу и смотаться в Бордо на зимние праздники за его счёт. Наглость, конечно, но могу я хоть иногда раскатать губу на настоящее новогоднее чудо? А то всё сама, да сама. Да и спасла я его, так или иначе. Замёрз бы в наших снегах, если б не я. Может же он быть мне чуть-чуть благодарен? И пустить пожить у себя на недельку? Согласна даже на небольшую хижину, но поближе к морю. На билеты, наверное, я и сама наскребу. Интересно, какая сейчас погода в Бордо? Дома надо загуглить. Еще бы заботы о корове переложить на кого-то другого. Я ведь действительно бестолочь. Подойти, конечно, и я смогла бы. Но телёнок. Нет уж, хорошей коровке после отёла нужна многоопытная нянька. Сосед ещё этот странный, что за легенды он собирается рассказать? Вон уже и последний поворот перед спуском к деревне. Красиво-то как! Настоящая сказочная зима! Хвойный лес подсвечен лучами заходящего солнца, мороз уже лишь немного пощипывает щёки, привыкла, должно быть. И тишина! Только и слышно, что легкий скрип снега под лыжами, да иногда кое-где сорвётся с ветки небольшой сугроб снега и с шумом рассыплется по крепкому насту. Сказка. Простая, деревенская и такая понятная новогодняя сказка. А не сделать ли нам прямо сейчас шашлык? Ну не обязательно же ждать для этого Нового года? Мясо есть, углей в печке полно, шампуры были. Решено. Сделаем сегодня шашлык прямо в печке. А завтра, если мне очень-очень повезёт, я брошу корову на попечение какой-то другой своей тёти и покачусь с французом в храм, а потом и в Бордо. Пусть случится новогоднее чудо! Хочу и будет! Во дворе дома я обнаружила потрясающую картину. Сосед мирно смолит папироску у самой моей калитки, а вот бедный француз грёб снег огромной совковой лопатой. Неистово, яростно, будто сражаясь с кровным врагом. Уже почти все дорожки были расчищены до их первозданного вида, какими они были при настоящей хозяйке. - Так быстро обернулась? Молодец! А я вот наставил молодого человека на путь праведный. Негоже, имея в доме здорового мужчину, разводить такое перед домом. - Спасибо! Шарль, Вы не очень устали? - Что Вы! У меня агротур! Фитнес! Голос у него добродушный, но пот уже катится. Как бы не сбёг в своё Бордо без меня. - Я предлагаю отметить рождение телочки. У меня есть шампанское, можно сделать шашлык. Все согласны? Заодно мы с Вами, Шарль, окунёмся в пучину местных легенд. - Почту за честь, - донёсся до меня голос откуда-то из сугроба. Это он так резко лёг или упал? - Я загляну к себе и вернусь через минут двадцать. С коровой и телочкой всё хорошо. Дозвонилась до тёти? - Ещё нет, позвоню сейчас еще разок.

Шарль.

Каким богам молиться, чтобы выбраться из этого снежного плена, из этого вывернутого наизнанку мира? Кажется, я уже начинаю грезить столь далёким Парижем и даже родовым замком! Я, герцог, мечтаю поесть, поспать и помыться. Кто бы мне сутки назад сказал, что я буду с умилением растирать телёнка? Еще и сосед этот на меня наорал. Я, видите ли, не так его растираю. Что дала, Эльза, тем и сушу. Нет, надо с особым усердием растирать пучком соломы. Ладно, растёр. Хотя молодую коровку было определённо жалко тереть грубым колким, даром, что ароматным сенным жгутом. Потом, стоило теленку всласть напиться из вымени молока, меня устыдили опять. В доме мужик, а дорожки не чищены. Стыд и позор! Ну-ну. Впрочем, сочтём за фитнес. А теперь я буду приставлен к печке, следить за готовящимся прямо в её недрах мясом. Нет, я ничего не имею против барбекю. Одна проблема, я понятия не имею, как его готовить в печи на углях. Но аромат, что пополз по дому через каких-то пару минут, заставил

меня смириться со всеми тяготами деревенского быта. Да, дикий край, да тяжёлый и грязный быт. Одни коровьи слюни в моих волосах дорогого стоят. Но какая невероятно вкусная тут еда! Если мясо выйдет таким же дурманяще вкусным, как оно пахнет, я буду безмерно рад. Эльза сходила растопить баню. О чудо, я смогу вымыться. Надеюсь, по крайней мере, на это. А с самого утра в дом приедет какая-то дальняя родня хозяйки этого дома и поможет проследить за хозяйством. Что даст возможность Эльзе посетить со мной храм и даже поехать в Бордо. Идея, конечно, весьма наивная и во многом глупая. Но деду я отомщу с лихвой. И за снега, и за телёнка, и за то, что я снова всего лишь глупая кукла в его руках опытного кукловода. Надеюсь, этого хватит, чтобы не оказаться в столь глупом положении ещё хоть раз.

Эльза

Как всё удачно сложилось. До тёти я дозвонилась, она безумно обрадовалась, что всё прошло благополучно, и корова родила именно тёлочку. Та, оказывается, уж просватана дальней родне. Они её ждали, надеялись и будут теперь растить. Мне на смену приедет тётушкина родная сестра. Та охотно согласилась присмотреть и за домом, и за коровкой, и за всеми остальными носами в хозяйстве.

Шарль неторопливо готовит шашлык в печи, я накрываю на стол. Скоро придёт сосед. Хороший мужик, как оказалось. А в моём детстве он был таким серьёзным, когда выходил за свои ворота из сада, правда, мы и не общались особо. Интересно, что за местную легенду он собирается поведать? Если всё так и дальше будет удачно складываться, то прямо завтра утром мы с Шарлем доберёмся до старого храма, оттуда на лыжах рванём к станции, а там и в Пермь на электричке. Он с кем-то при мне договорился о визе для меня. А значит, здравствуй, Бордо! Даже не верится.

Вот и в дверь кто-то стучится. Пойду, открою. Сосед стоит на пороге.

- Заждались, небось? А я не с пустыми руками. Вот, наливочку собственного производства прихватил к столу.

- Шарль, переверните шашлык.

- Как у вас строго. На "Вы"!

- Шарль утверждает, что он аристократ и его семье принадлежит родовой замок где-то в Бордо. Как я могу ему тыкать.

Я, не удержавшись, расхохоталась. Француз презрительно фыркнул где-то за печью. Хотя, может, зря я так. Может ему просто в нос попала печная зола.

- А ты, значит, не веришь. Может, и зря.

Шарль, Вы, стало быть, приехали снимать родовое проклятье вместо Вашего, кем он вам, пра-пра какой-нибудь?

- Признаться, да. Как ни странно это звучит, но приехал я именно за этим.

- Может, оно и хорошо. А я принёс Вам родовой медальон, чтобы вернуть. Он должен принадлежать Вам по праву вашего рода. Что же касается вины вашего предка. Тут тоже всё не так просто.

Мясо готово?

- Я был бы рад вашей консультации, дело в том, что я ещё ни разу не готовил мясо на открытом огне и, тем более, на углях.

- Я сейчас посмотрю. Эльза, доставай блюдо и рюмки. Разговор будет долгий. Истории этой не один век. И ты, Эльза, в ней тоже замешана ненароком. Иконку достань, да поставь в углу. Всё мне спокойней, старому человеку.

- Хм, даже так?

- И свечу запали. У Аглаи она в верхнем ящике тумбы, той, что рядом с комодом. Да куда, вон за печкой.

Я отдернула кружевные шторы, что скрывали стоящую на специальной полке в углу икону. Водрузила на стол старый кованный подсвечник ручной работы. Едва ли не единственное украшение старого дома.

Мужчины достали готовый шашлык и разложили его по тарелкам. Хорошо, что я взяла с запасом и уже готовый. Всем хватит. Звякнул замысловатый графин, по рюмкам разлилась розоватая настойка.

- С клюквой. Самое оно к мясу-то. Ну, здрав будь, потомок клятого рода. И ты, ведьма!

О, как! Не слабое начало для зимней сказки.

Выпили. Настойка показалась не слишком-то крепкой, да и рюмочки у тёти меньше наперстка. Хрустальные, на тоненькой ножке, они напоминали посуду игрушечного сервиза, что по недосмотру водрузили на стол.

Шашлык из печи! Ароматный и сочный, терпкий вкус дымных трав, мягкое нежное мясо. Шарль был сражён изысканным блюдом и ел, как нормальные люди, без ножа с вилок. Неимоверное наслаждение. Поскорей бы еще удовлетворить разыгравшееся любопытство. Нам рано вставать, а я ещё хотела протопить баню себе и французам перед завтрашним путешествием. Наконец-то, мужчины наелись. Выпили по второму наперстку за

телёнка и будущее молочное благоденствие отдельно взятой деревни и дома.

 - Ну, так что там с легендой?
 - Не терпится? Только, то не легенда, а был. Что вы знаете про ведем средневековой Европы?
 - Их сжигали на кострах инквизиции, - спешно отрапортовала я.
 - Этой ереси была подвержена почти вся Европа, но некоторые районы пострадали особенно сильно.
 - Молодцы. А теперь дружно переходим на ты, раз уж пришло время этой правде вырваться на свободу.
 Итак, жила-была юная девушка сказочной красоты где-то во Франции. Точное место нам не известно. На дворе стоял самый конец семнадцатого века. Костры ещё горели почем зря. На девушку донесли. Донесли, что называется, облыжно. Не виновата она была ни перед законом, ни перед церковью в наличии ведовского дара. По крайней мере, так считал сам герцог. Но красоту свою вместе с честью она дарить ему не хотела. А вот дар у неё действительно был. И дар страшный, тяжёлый, сильный. Многие она могла, многое делать не хотела. Чистая, светлая дева неимоверной красоты. Ускользнула она из лап святой церкви, сбежала, рванула в Россию. В пути ей везло. Дошла, добежала, скрылась. А что было в те года в России, кто помнит? Это тысяча шестисотые года примерно. Ещё не излёт века семнадцатого, но примерно его середина.
 - Бунты, Степан Разин. Точно не помню, если честно.
 - Если вкратце, то Россия полыхала. И попала наша красавица из огня, да в полымя. Хоть не костёр, уже ладно. Но и пристроиться как следует не сумела. Сибирь тогда уже была русской землёй. Шла золотодобыча. Уж за каким бесом занесло в эти края нашу девицу, мне неизвестно. Но злость она держала на того герцога, а с ним и на всю французскую знать очень крепко. В Сибири она осела. Ну как осела, к кому-то должно быть прибилась. Лет ей уже было довольно много для незамужней девицы по меркам того времени. Должно быть, как тебе сейчас Эльза.
 - Ну, спасибо!
 - Я не о том. Ты представь, красивая, но из возраста невест уже почти вышла, бесприданница, чужачка, одно хорошо, знахарка. Вышла она тут замуж или ещё как, не знаю. В этой части легенды очень много домыслов, и мало достоверных фактов. А вот дальше наша легенда имеет уже куда более прочную почву под ногами. Есть письмо тех лет, и я сам рылся в местных церковных книгах о рождении детей, сопоставлял даты. Изучал историю рода Мари.
 Одно теперь известно точно, жила француженка долго и к концу тысяча семисотых родилась у неё внучка. Красавица, каких мало. В бабушку-ведьму и, что характерно, тоже с даром. Мон Анже! Так её потом будет звать твой предок, Шарль. Девицу называли Марией. И росла она под строгим приглядом озлобленной на весь мир бабки. С лютой ненавистью в сердце ко всем представителям французской аристократии. Бабка рассталась на славу. Да и было за что бабке ненавидеть французскую знать. У той самой бабушки наша Мари, мон Анже, научилась плести кружева дивной тонкой работы. Наследие с родины предков.
 А потом морозной зимой года 1812 в избушку к этой Мари заглянул француз. Она пожалела, приютила, вылечила. Думала, что солдат. Откуда ж ей было знать, что это целый герцог заглянул к ней в избу? Как водится, она его полюбила.
 А как узнала, что перед ней герцог-француз, так хотела убить. Металась между ненавистью и любовью. Бегала в церковь, просила о вразумлении. Потом уж и вовсе поклялась извести. И извела бы, наверное. Так ли, иначе ли. Не знаю. Но вскорости Мария понесла под сердцем ребёночка от француза. И убить его уже не смогла. Побоялась накликать худую судьбу для ребёнка. Да и на шее француза был оберег от колдовства и порчи. Вот он, смотрите. Перед самым уходом в Бордо, он оставил его на память младенцу-бастарду.

 На стол опустился обычный кулон тёмного серебра в форме изящной капли. С одного боку на нём виднелся неясный вензель, не то морда льва с розой во рту, не то кот с зажатым клинком. У Шарля при виде реликвии загорелись глаза.казалось, ещё чуть-чуть, и он его схватит, и спрячет как можно дальше. Нет, удержался.
 Сосед продолжил:

 - Француз ушёл и более не вернулся. Мари осталась одна с младенцем на руках. Травница, знахарка, кружевница, да ещё и с крепким малышом. Да, опорочена. Но в нашем краю это был не самый ужасный грех. Замуж её охотно взял вдовый мельник. Жили они в хорошем сытом достатке. Немногим позже она родила мельнику дочь. И сын её тоже рос

в любви и ласке обоих родителей.
 Лишь потом, много лет спустя вспомнила она своего француза. Каждую ночь стал он ей сниться в одном и том же сне. Как уходит он из её дома, как она его прокликает. В завершение сна он каялся и качал головой. У Марии к тому времени были взрослыми внуки. Страшно ей стало от этих снов. Разбредили они душевную рану, уж давно позабытые слова, что были брошены в гнев. Она оставила сыну письмо. Дочери передала на словах, думала, та запомнит и передаст дальше. Но не случилось. А письмо сохранилось. Оно и сейчас у меня. В нем краткая история нашего рода. В нём дано наставление о том, как себя вести, если вернётся кто из потомков француза. Она заклала всех потомков француза вплоть до шестнадцатого колена, чтоб тот клятый род во век не прервался. Заклала в надежде на то, что хоть кто-то из вас сможет сюда вернуться, чтобы она смогла уйти. Пока проклятье не сброшено, и дух её где-то здесь бродит. Бродит и ждёт своего времени, чтобы освободиться.
 По женской линии все девочки её рода наследуют дар. Ты в их числе, Эльза. На поколение девочка рождается только одна, и только её дочь унаследует ведьмину силу. Все потомки сына француза передают от одного старшего сына к следующему кулон и наставление. Записанную историю рода. Девочки должны были и так всё помнить, но твоя бабка, Эльза... На ней всё прервалось. Комсомолка, красавица, лучшая ученица. Не стала она слушать старые сказки, и уж точно не готова была их передать. И мать твоя родилась такой же. А ты, вот вернулась только сейчас. Не малой же мне было тебе это всё рассказывать. Да и не знал, как подступиться. Бабка с матерью твои обсмеяли бы меня.
 - То есть Вы считаете меня ведьмой? А где тогда моя метла?
 - Не шути с этим. Твой дар, может, ещё и не проснулся. Но ты точно потомок тех ведьм. И дочка твоя тоже будет наследовать дар.
 - Не будет у меня никакой дочки. Я в баню и спать. Спасибо за всё. Но я, правда, не верю. Шарль?
 - Я бы тоже не верил. Ещё сутки назад. Но призрак я видел своими глазами... А ты, Эльза?
 - Мне показалось, что я кого-то видела, перед тем, как нашла тебя. Показалось!
 - В общем, всё что знал, я рассказал. Амулет вернул законному владельцу. Носи, Шарль, он по родовому праву твой. Дорогу в храм найдёте и без меня. Храни тебя бог и лесные духи, француз. И тебя, Эльза.
 Выйдете на рассвете. Как дойдете до первого холма на опушке, оставьте что-то съестное. Требу лесным духам, да попросите защиту в пути. Не смейтесь. Путь долгий. А зимой всякое тут бывает.
 Все хлопоты по дому, корове и прочим животным до приезда твоей родни, Эльза, я беру на себя. Не беспокойся. Ты дальше-то куда сама?
 - Шарль пригласил меня в гости. Так что обратно не ждите.
 - Мы сразу от храма возьмём путь на станцию или пару дней проведем у настоятеля. Я ещё не решил, если честно. Но сюда возвращаться я больше не буду. За родовой амулет я Вам очень признателен. И за то, что сумели его сохранить, и за то, что решили вернуть его моему роду. Как я могу вас отблагодарить?
 - Никак. Выполни наказ своего предка и на этом мы с вами сочтёмся. Мари не осталась тогда в убытке, после ухода твоего пра-. Он ей оставил самое дорогое, что было у него самого в то время - крепкого сына. А остальное - не нам судить.
 - И всё же?
 - Не поверишь, я имею всё, что мне нужно. И счастлив. Позвони мне из храма, как дело уладишь. На этом всё. Удачи, ребятки. А я, пожалуй, пойду потихоньку.
 - Спасибо за легенду. Было действительно интересно, но я в это всё же не верю. Хотя в баню ночью и мне теперь идти страшно. Мало ли что. Спокойной Вам ночи.
 - Спасибо... За все. Я обязательно выполню завтра, что требуется. Приятных Вам снов, только дайте номер вашего телефона Эльзе.

Глава 12

Сосед ушёл, оставив мне номер моби́льни́ка, а я стала думать, что же делать с помывкой. Во-первых, Шарль один может там угореть, баня старая, топить надо с оглядкой. Нельзя перекалить бак для горячей воды. Во-вторых, мне стало действительно страшно. Вроде бы понимаю, что всё это старые сказки, которыми просто обросла семейная полузабытая история про француза. Но женщину-то я видела. И именно там, где нашла Шарля. Да и он в Россию приехал не просто так, а чтобы посетить храм. Раз уж две семьи столько лет хранили в памяти эту историю, значит хоть что-то в ней правда.
 Ладно, это всё лирика и достояние прошлого. Меня же волнует куда более простой вопрос. Что делать с баней? Может, устроить совместное посещение? Я отвернусь. Да и француз всё же не похож на маньяка. Ещё бы он согласился на это, напыщенный аристократ. Хотя, раз уж пригласил в гости в замок, значит, готов умирять свой аристократический пыл.
 - Шарль, мне страшно идти в баню.
 - Признаться, мне тоже. Немного. Но вымыться перед посещением храма определённо стоит, да я хотел постирать кое-что из вещей.
 - Предлагаю пойти в баню вместе.
 - Даже так? Я приятно удивлен.
 - Будем по очереди отворачиваться к стенке. Берите ваши вещи, полотенце я дам. Сейчас баню подтопим пожарче и будет нам счастье.
 - Как ты думаешь, джемпер высохнет до утра? Мы же на ты, теперь, верно? Это тебя не обидит?
 - Я польщена. Простолюдинка, а с наследным герцогом теперь буду на "ты".
 - Ха-ха-ха. Не смешно. Тогда я постираю только нижние вещи.

Шарль.

 Баня. Никогда в жизни я не радовался настолько глубинно возможности просто помыться, привести себя в первозданный, чистый вид.
 Вернусь, объявлю деду о помолвке с Эльзой. Пусть насладится всем спектром негативных эмоций, совсем как я теперь.
 Идём в сторону бани, утопая под ворохом разномастного барахла. Совсем как цыгане перед блошиным рынком. Чистое, чтобы переодеться, полотенца, грязное бельё. Эльза расщедрилась на пуховый платок для меня на обратную дорогу к дому. Смешно. Прямо предвкушаю свой будущий облик. Хорошо, что никто не видит. За несколько метров до бани нам наперерез сиганул из сугроба волк. Я успел оттеснить Эльзу себе за спину, кажется, она не смогла устоять на ногах от испуга.
 - Шарль! У меня вся попа теперь в снегу! Ты чего пихаешься?
 - Волк!
 - Это Шарик.
 Шарик, ку-ку, свои, Шарик.

 Шарик склонил увесистую башку набок, повел носом, принюхиваясь. Видимо, тоже в шоке от чужеземного идиота в наших краях. Подумал немного, после чего поднял голову к небу и завыл глухо и немного торжественно, разбив в хлам всю обыденность странной и без того ночи. Шарль так и остался стоять на месте.
 - Идём, нам вставать рано. Да и холодно, чтобы просто так стоять и слушать.
 - А он, точно, пёс?
 - Точно. Смелее, вперёд, к чистоте! Нам ещё печку подтапливать, чтобы было пожарче.

Баня встретила сонным, будто немного недовольным скрипом двери. Мол, чего надо? Чего вам ночью-то не спится, болезные люди? Печка топилась, но как-то немного вяло. Я подбросила пару смолистых ароматных поленьев. Берёзовых тут, отродясь, не водилось, так что топим как есть, и плевать на устои сельского быта средней полосы. Веники в бане тоже были только лесные из можжевельника и пахли просто чудесно. Я захватила аж два, хотя бы только для аромата, а там как пойдёт.
 Шарль скинул тулуп, я тоже. Вроде надо уже что-то делать, чтоб время зря не терять. Да неудобно при постороннем мужчине стирать нижние вещи. Хотя, всё равно ведь придётся. Открыла кран бака, набрала воды. И смело, как будто так всегда поступаю, вывалила в чуть теплую воду своё бельё. Стою, стираю с умным видом, под внимательным взглядом француза. Хоть бы отвернулся, что ли, придурок заграничный. Можно подумать никогда он не видел дамских вещей. Уж отполоскала, а он все смотрит. Вот урод!
 - Могу я спросить?
 - Безусловно! - злобно рывкнула я.
 - А Вы всегда так стираете?

- А в чём проблема?
 - Я привык, признаться, использовать агрегат. Да и выливать воду на пол... Это как-то странно.
 - А куда ещё? Это же баня! Тут пол специально щелястый. А вот эту, самую крупную щель удобно использовать подобно сливу.
 - Я понял, спасибо. Вы закончили?
 - Да.
 - Тогда я попробую, если Вы не возражаете. Правда тут есть одна незначительная проблема.
 - Какая? Вы не умеете тереть бельё мылом, герцог?
 - Не эта. У меня нет с собой плавок, я, признаться, не рассчитывал оказаться в бане с девицей. Вы не станете возражать, если я оголюсь при вас до трусов?
 - По морде полотенцем боитесь получить, признайтесь сразу? Не бойтесь, я отвернусь.
 Стою, изучая рельеф старого темного сруба. Шарль что-то полощет, бездумно изводя лишнюю воду. Стало уже жарко и немного парно.
 Пора бы раздеться, но вроде и стыдно. Хотя, чего я теряю? Беречь свое девство для мужа смысла уж точно нет. Да и девства того уже давно нет. Ну, пристанет, так может это именно то, что мне нужно. А что, практически принц! Да и красавец. А то, что заносчив - это не страшно. Я же не замуж за него собралась.
 И вообще, может, я выполню в этом году весь список новогодних желаний. Шашлык был, настойка была, не шампанское конечно, но всё же. Легенда при свече рассказана была. Коттедж и лыжи были с избытком. Осталось воспользоваться сказочным принцем и укатить с ним во Францию до конца каникул. Решено! Хочу и будет.
 Разделась до белья. На большее смелости пока не хватило. Вспомнила, как возилась сегодня с водой, вспомнила, как вчера тащила этого наследного почти принца. Странная сказка. Началась в сугробе, продолжилась в кровати, а теперь баня. Мне бы в душ, а уж потом всё остальное. Ну что поделать, душа нет, зато есть старая баня и грязная я.
 - Мон шер ами, пардон. Эльза, если это вас не слишком смутит, вы мне не польёте? Я в белье, дабы вас не смущать.
 - Разумеется, Шарль. Это меня не смутит.
 - Даже так?
 Я обернулась. А он хорош. Дьявольской какой-то, просто нереальной красотой. Точёное тело с рельефом тонко очерченных мышц, чуть смуглая кожа, немного щетины на лице, волосы чёрные как и глаза. Весь в мыле и пене. Тонкое бельё, что облегает тело на самом интимном месте, будто вторая кожа. Вот уж и, вправду, принц. Шарль чихнул, испортив весь свой идеальный образ.
 - Садись на лавку, мне так неудобно тянуться.
 Тонкой струйкой полила воду. Каждое движение тела француза будто бы продумано заранее, как у профессиональной модели. Вот он наклонил голову вперед, вытянул шею, поднял к волосам руки... Мышцы под кожей заходили, играя, приглашая потрогать, хотя бы коснуться. Не сейчас, я подожду чуть-чуть, самую малость. Может, и вовсе одумаюсь, откажусь от смелой затеи.
 Ну, кто он, и кто я. Хотя, почему бы и нет. Будет что вспомнить. Да и вообще я теперь живу для себя, мне бояться нечего. Беру, что хочу, если мне того надо.
 - Достаточно, спасибо. Тебе полить?
 - Если не сложно.
 Занимаю на лавке его место. Воду льёт не жалея, дурной. А если мне сполоснуть волосы потом не хватит?
 - Подожди, я намылюсь.
 Спешно, самую чуточку всё же, смущаясь, натираю мылом всё тело, мылю и волосы, намыливаю лицо.
 - Полей мне, пожалуйста.
 - Что? А, прости, засмотрелся. То есть, не то, что ты подумала. Просто твоё лицо.
 - Что-то не так?
 - Впервые вижу, чтобы девушка мыла лицо простым мылом.
 Я расхохоталась.
 - Другого-то нет. Чем же ещё? Не ходить же мне с грязной моськой. Лей на волосы.
 Я наклонилась вперед, чуть разведя ноги. Докатилась, соблазняя герцога из Бордо. Определенно, на меня плохо действует деревенский отдых.
 - Вроде бы всё. Посмотри, на мне нигде мыла нет?
 - Нет, действительно всё.
 А что-то голос у него такой напряженный.
 Я наконец-то подняла голову и взглянула на Шарля. Тот стоит весь бордовый, прикрывая стратегическое место ведром с водой.
 - Ты не могла бы отвернуться, я хочу постирать трусы.
 - Ну, конечно. И ты отвернись, я сниму своё бельё и оденусь.
 Стоим как два дурака, голые, и таращимся в стены. Рискнуть? Не рискнуть? Что я теряю? Ничего. А если не рискну, буду потом жалеть, что застеснялась? Определенно буду.
 По стене бодро ползет какой-то чахлый паук. Очнулся в тепле от зимней спячки. Ох, не к добру мы тебя разбудили. Баня выстынет, как ты обратно уснёшь? А, впрочем, спасибо, ты

подкинул мне хорошую идею. В детстве я, помнится, боялась пауков. Взвизгнула, подлетела, развернулась к француз. А он уже и так стоит ко мне лицом весь готовый к бою. Бросилась к нему с воплем.
 - Там паук! Я их боюсь!
 - Я не смотрел, это случайно, - выдохнул он мне прямо в губы и поцеловал нежно и одновременно страстно, нагло проникая в мой, чуть приоткрытый рот своим изучающим языком. Будоража, лаская, настаивая. Вот уже и руки его коснулись моей разогретой кожи. Замерли на мгновение, будто примериваясь, и начали ласку. Как музыкант знакомится с новым инструментом, так и герцог изучал неспешно мое тело.
 Трогал, ласкал, гладил и будоражил, мучая, не даря жаркой ласки, не насыщая достаточно, всё ещё водя по тонкой грани соблазна и искушения.
 Тело откликнулось. Тело русской девицы совсем не скрипка, и даже не виолончель. Оно хочет любви и страсти, напора, жара объятий, дыхания на коже, биения сердца у своей груди.
 Подалась ближе, приникла всем телом, переложила его чуткие ладони именно на те места, что так жаждут. Француз мой взвыл. Натурально. Толкнулся вперед, прижался всем телом. Повалил на лавку и начал неспешную мучительно медленную игру. Мой палач, мой жестокий мучитель, что медленно ведёт по пути к желаемому, не давая насытиться вдоволь и сразу.
 Вот его рука ложится на мое запястье, чертит неведомый узор, вот он целует нежную кожу моего бедра, гладит живот. А я изнемогаю. Да и он тоже, так зачем же так медлить. Ну же, я жду. Подалась бедрами со всей силой ему навстречу.
 Ухмыльнулся и упёрся руками, прижимая мои запястья над головой к широкой лавке. Поцеловал жадно и смело. Провёл кончиком языка по щеке. Помучил, наслаждался вполне своей властью над девичьим телом. И, наконец, уступил моему желанию, утолил было жажду, заполнил.
 И снова игра. Будто старинный напев, мелодия из средневековой баллады. То медленная и нежная, то резвая, пускающаяся в пляс, а то вдруг прервётся, чтобы начать всё сначала. И руки, и губы, всё с мучительной мелодией заодно. Я принимаю, он ведёт, он ласкает. Тело смирилось и подарило мгновение счастья, мой палач продолжил игру. Лаская, будто пытая, вознося на небо и возвращая обратно множество раз. Кажется я воск, кажется, что страсть опалает. Но и палач мой тоже близок к концу игры. Я подаюсь навстречу раз за разом, он дышит шумно и часто, дрожит от желанья и напряжения. Меня накрыло волной очередного блаженства, его лишь на секунду позднее. Крепко обвиваю ногами своего принца. Идеальный палач, что вознёс свою жертву до небес столько раз. Такого я ещё никогда не встречала. Нега, блаженство, идеальное наслаждение. Хочется и убить, и не отпускать. Сколько же раз он отпускал, даруя блаженство, сколько раз заводил свою мелодию сызнава. Хочу и будет. Ещё много раз. А потом разбежимся навечно, лишь чтобы помнить мгновения, что подарили друг другу, объятые паром и неизмеримым блаженством, поделённым на двоих.
 - Ты предохраняешься?
 - Вспомнил, главное, вовремя. Не переживай, детей не будет. Всё хорошо, я обо всем позаботилась.

 Ну не совсем я. Судьба уж скорее, но сути-то не меняет. Наспех высушили волосы, как-то оделись. Печка уж прогорела сама собой. Идём к дому под звездным небом. Вот что я натворила? И ведь не жалею о содеянном ни на каплю. А значит, всё хорошо. Всё как и должно быть. Дома уютно и сытно пахнет мясом не так давно вынутым из печи. А кажется, в другой жизни. Будто бы целую вечность тому назад. Развесили бельё сохнуть прямо над печью. Кое-как прибрала дом к приезду сестры Аглаи. Вроде всё чисто, может и не так, как при тёте, но особой грязи уж, точно, нет. Надо будет с утра ещё раз прибраться, сейчас уже сил просто нет.
 Спать легли снова вместе, только теперь без белья. Оно сохнет над печью. Жарко под одеялом вдвоем с Шарлем. Жарко и очень спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.